

TERONET

**БОГИ
&
БОТЫ**

Teronet

Боги & Боты

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4997072

Аннотация

Глубоко социальная книга с мощным зарядом глубокого осмысливания настоящего и будущего человечества с точки зрения индивидуума и Вселенной; с обширным кругом лиц и персонажей, оригинальным структурным построением текстового содержания.

Если вообразить и принять как должное, что мыслящей является сама природа, создавшая человека, что думает она, когда видит и ощущает решения и действия человечества, направленные на изменение генетической сущности, на пути движения цивилизации и каким образом эта сверхсущность может проявлять свои чувства и реакции.

Главный герой после столетнего сна живет, размышляет, проецирует себя с множественных позиций и точек зрения в мире 22 века, тонкие связи и нити размышлений пронизывают проекции будущего, чтобы отразиться в ищущем, мыслящем взгляде на реалии настоящего.

Прочувствованный и сопереживающий человечеству монолог тонкоироничного героя, который является одновременно и обычным человеком и, по воле судьбы, – пророком, и

связующим звеном между той сущностью, которую можно именовать Богами развития и осуществления жизни на нашей планете; и теми Богами, которым подчинены наше мышление и верования в бесконечном и великом Мире. Древняя и беспощадная война ведется между многоклеточными Эукариотами и одноклеточными Прокариотами. Но все они не могут существовать без человека, который размножается и мыслит, надеется, любит и верит.

Герой плетет паутину событий и сам попадает в сети непредсказуемости отношений Богов, людей, настоящих и искусственных, блестяще продуманных тонкостей технического прогресса будущего столетия.

Что является реальностью, а что Зазеркальем?

Куда приводит стремление к лучшему и сверхидеи даже лучших умов человечества в непредсказуемом развитии цивилизации.

Каких богов для себя, своего комфорта создают люди, какова внутренняя подоплека человеческого сознательного или неосознанного.

Кто или что руководит жизненными процессами, желаниями, стремлениями.

Куда идет человечество и меняется ли оно внутренне с новыми достижениями технической мысли и общего прогресса.

Книгу нельзя назвать фантастической в прямом смысле слова, это, в некотором роде антиутопия, современный Рип ван Винкль и продвинутый в будущее «Спящий» Уэллса. Многие сравнивают её с «Империей Ангелов» Вебера, но она другая. Совершенно другая!

Кто же пишет, на самом деле, человеческие программы мышления и жизнедеятельности?

Содержание

Часть первая. Эпоха перемен	6
Через 100 лет одиночества	8
Ангелы и вирусы	36
Послание истинных богов	52
Противостояние	64
Шоу маст гоу он	76
Часть вторая. Солнечный апрель 2100 г.	92
Настоящее будущее	95
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Teronet

Боги & Боты

Читатель!

Если ты знаешь о себе наверняка, что твои религиозные и прочие чувства потенциально могут быть оскорблены потреблением продуктов художественного творчества, в том числе и литературного, ОСТАНОВИСЬ! Не читай ЭТУ книгу! В противном случае все последствия такого чтения, в том числе и моральные травмы, будут рассматриваться как результат осознанного самоистязания.

Часть первая. Эпоха перемен

Архивный номер 43534692: «Звонок от 12-го апреля 2100-го года. Время 18:51:10»

- Миди-кампани “Алфа”. Прива, гварите.*
- Драствуйти-простити. У миня новасть!*
- Стаите на линии, надклиучау к новасти.*
- Ждать низя, дивушка. Оочнь, оочень сручная новасть.*
- Харашио, гварите, вас пишут.*
- Тут... Чилавек...*
- Так... чилавек. Чта с ним? Пагин?*
- Ниет, дивушка... нааброт... он... ваз-ра-дился.*

– Как ета?

– Иму больше ста лет, дивушка. Памагите иму... он
учень, учень слап.

– Оки! Миди-група стартуит. Как вас зват?

– ...

– Прива? Хело? Хело!

Через 100 лет одиночества

Резкий сильнейший внутренний взрыв будто вырвал меня из цепких объятий сна. Первые ощущения – страшная боль в голове, просто дикая... второе ощущение – не чувствую конечностей, просто полнейшая атрофия... как будто их нет вовсе, с огромным трудом даётся дыхание, свет сильно режет глаза, хотя... хотя, я понимаю, что это не солнце и даже не лампа, возможно, свечи... жадно хватаю ртом воздух, а тело налилось свинцом и мне тяжело приподнимать даже грудную клетку... вокруг суетятся какие-то люди, постоянно поливая меня чем-то горячим, и массируют, массируют... внезапно ощутил рвотный позыв и меня вывернуло наизнанку какой-то вонючей слизью... тут же услышал, как бешено, ритмично стучит моё сердце... пытаюсь открыть глаза, но вижу только световые пятна и прыгающие тени на стенах... все звуки и запахи окружающего мира разрывают мой мозг, они как будто ждали момента, чтобы всем скопом наброситься на меня. Прошло несколько минут, а я устал, и у меня появилось нечто похожее на панику... кашель раздражает горло, из носа постоянно что-то течёт, глаза слезятся. Наконец-то начал ощущать своё тело – его сводит судорога, передёргивает и ещё... такое впечатление, что повсюду, на спине, на животе, на бёдрах и руках одни пролежни.

И тут я отчётливо ощутил тот факт, что меня окружают

исключительно чужеродные, отвратительные и потенциально опасные существа. Вот именно – существа. Я так и почувствовал их запах, мерзкий, чужой. Их плоские лица, они первыми бросились в глаза, когда те стали привыкать к свету. Теперь стала понятна причина паники, которая началась гораздо раньше... Теперь уже меня стало трясти и выворачивать из-за вполне понятных и осознаваемых причин. Вокруг меня суетились, прикасались ко мне и переговаривались друг с другом какие-то МОНГОЛОИДЫ.

Как только я ощутил во рту слюну, тут же сплюнул в сторону самого ближнего ко мне. На миг он замер, но через какое-то время продолжил растирать мне руки, что вызвало новый прилив паники... По всей видимости, моя слюна безвредна для них, а конечности всё ещё не слушались. «Возможно ли проникновение их тел в моё через растирание? Используют ли они свой жуткий запах для одурманивания жертв?» – в голове постоянно возникали какие-то нелепые идеи, которые казались сперва непроверенными гипотезами. Потом я строил планы, как эти гипотезы проверить, ну а потом, когда с трудом, но всё же включал мозг – то понимал, что брежу. Понимал также, что настоящая опасность этих людей в другом, в чём-то, что пока ускользало от меня.

Наконец левая рука задрожала и дала мне ощущение контроля. Я что есть силы, вlepил её по тому же персонажу. Он заорал. Остальные засуетились и на время отступили... Столпились где-то в углу помещения и стали вести перего-

воры... Боюсь, один я с ними не справлюсь, но ничего... Теперь я точно знаю, что мои удары их пугают. Может, попробовать махать обеими руками и, если получится, ногами – это должно возыметь какое-то действие.

Попробовал помахать, но быстро выдохся. Скорее всего, они это заметили. Им явно известно, что я слаб и не способен долго сопротивляться. Но... вот они удалились, и наступила тишина... В тишине я провёл какое-то время. Сколько я так пролежал – не знаю... иногда выпадал из сознания, иногда возвращался в него, сблёвывая, сплёвывая всё, что томилось в желудке. Иногда по всему моему телу проходили судороги, мысли путались, а моя паника то усиливалась, то уменьшалась... в зависимости от того, насколько обречённым мне казалось моё состояние. И вдруг... Множество торопливых шагов... Резкий звук открывающейся двери и яркий электрический свет:

«Ааааа» – вскрикнул я от неожиданности и страха. Рука инстинктивно прикрыла голову. Вторая, на данный момент более сильная, приготовилась нанести удар и... тут же обмякла: СВОИ!

В комнату решительно вошли представители моей расы. Все в белых одеждах и с запахом, который казался далёким и родным, будто из детства. «Это врачи» – напомнил мозг... Они подошли, тут же стали производить со мной какие-то манипуляции, переговариваться на смутно знакомом мне языке и я расслабился. Я полностью отдался им и да-

же, почувствовав небольшой, но ощутимый укол, не встревожился. От паники не осталось ни следа. Их голоса звучали уверенно и надёжно. Они не дадут меня в обиду. Теперь можно отдохнуть... забыться и накопить сил. Возможно, они ещё мне пригодятся. Наш мир слишком жесток, чтобы быть таким вялым и незащищённым, к тому же так долго.

...

Какое хорошее, бодрое и ясное пробуждение... никакой боли, только глаза нечётко различают объекты.

– Kazhica, on prihodit v sebya¹

– Кто здесь?

– Priva. Ne bois'. Ya – Sirena. Eta – doctar Gorlav.²

Похоже, какая-то блондинка-тинейджер... И зачем так коверкать язык?

– Здравствуйте, больной, – а вот и мужской бас, но говорит так, будто делает над собой усилие... может, он иностранец? – Я буду стараться говорить так, как вам привычно. Вчера специально для этого прошёл курс обучения, – ничего не понимаю. – Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

– Спасибо, док. Всё окей. Небо и земля по сравнению с тем, что было... – мучительно ворвались воспоминания о моём предыдущем пробуждении.

– Так и должно быть. Это благоприятное действие нанотерапии. Если бы мы приехали чуть позже, боюсь, вы, как ми-

---

¹ Кажется, он приходит в себя.

² Привет. Не бойся. Я – Сирена. А это – доктор Горлов.

нимум, потеряли п ноги, а могли и вовсе не выжить.

Пока он это говорил, глаза привыкли к свету и я смог осмотреться – обстановка не была похожа ни на что знакомое мне. Люди были одеты в белое, но это были абсолютно нереальные ткани и покррой, а их волосы были то ли седыми, то ли белёсыми, как у альбиносов. Складывалось впечатление, что я попал на съёмочную площадку фантастического фильма.

– Такое впечатление, что я попал на съёмочную площадку фантастического фильма... что-то уж слишком стерильно для больницы.

– По нашим подсчётам вы пробыли в состоянии летаргического сна около ста лет.

В голове вспыхнула и заставила поморщиться какая-то болезненная вспышка.

– Какого сна?.. Сколько?!!

– *Eсли tohna, to sta adin got.*³

Неожиданно на её голос среагировала мужская часть моей нервной системы. Голос был не просто женским, а таким женским грудным... который зовёт каждого мужчину на подвиги, который бодрит и горячит кровь, который сулит ему острое наслаждение и глубокое удовлетворение... Это был голос женщины из моих снов.

– Да, Сирена права... А что, вас это удивляет? (да он смеётся надо мной) Вы ета не планировали?

---

³ Если точно, то сто один год.

– Стоп, доктор... я, что, идиот, планировать сон на сто лет?! Или вы шутите так? Нас, может, камера снимает? – они тревожно переглянулись.

– Эта правда. Мы не шутим. Вы родились в девятнадцать семьсят-третьем году. Так?

– Эмм... Типа в тысяча девятьсот семьдесят третьем? Ну да.

– А в девятнадцать девяностодевятом замедлили свои процессы бромидами и уснули, – кто им сказал про бромиды? – Так?

– Да...

– Так вот, прошёл сто один год и сейчас у нас...

– Две тысячи... сотый?

– Пра-виль-но.

Чувствую себя идиотом, хотя он не издевается, но ведёт себя со мной, как с ребёнком. Странно, но я ничего не помню – эти 100 лет пролетели как один миг. А ведь всё должно было быть иначе... я должен был что-то увидеть, должен был... но вместо этого просто бездарно и бессмысленно отключился на целый век...

– Тааак, а вы не подскажете, где те сволочи, что меня оживляли?!

– Бригада прибыла по анонимному звонку в дряхлый домишко на юго-востоке города. В момент при-бытия никого в доме не было... хотя все признаки жизни присутствовали.

– И что за признаки?

– Разбросанные вещи, свежеприготовленная еда. Хотя, очень примитивная и вредная – на огне, весьма перегоревшая. На стенах были буддийские знаки, письма... одна только фраза по-русски: «Помни послание Экариота» – по всей видимости, секта, – к концу фразы доктор уже был не с нами, у него расфокусировался взгляд и слегка наклонилась голова...

Сирена приложила палец к губам, показывая, что доктору сейчас лучше не мешать. А тот прикоснулся к небольшой серёжке на мочке уха и поднял пустую белую папку на уровень глаз. Потом сказал одними губами пару фраз и снова сосредоточился на нас.

– Сирена вам всё расскажет, – он на время отложил папку, – ... ну, или, по крайней мере, ответит на первые вопросы, которые будут возникать... Ну-с, милостивый государь, мне нужно идти... до скорых встреч.

– Доктор!

– Да?

– Все эти ваши «Милостивый государь», и этот «Ну-с» – это не из моего времени. Вы не путайте. Это, кажется, ещё лет на сто раньше.

– Да вы что?! Странно... я ведь отчётливо помню, как слышал этот оборот в одном фильме конца двадцатого века. Доктор произносил его по отношению к больному. Неужели подделка? У вас так не говорили?

– Ну, может, и говорили... врачи в некоторых фильмах...

советских, но...

– Вот видите – значит, я прав! Ну, всё. Я пошёл. До новых встреч!

– Ну, пока-пока.

Он куда-то нырнул в стену и усвистал... я перевёл взгляд на Сирену... она улыбалась и явно была то ли в восхищении, то ли в возбуждении... постоянно елозила на стуле... сидя прямо на расстоянии вытянутой руки... и так пахла... Ну зачем она одела такой короткий халатик, который так и манил заглянуть между её ног? Это было уже невыносимо...

– Иии... С чиво стартуим?

И тут я вспомнил, кого она мне напомнила своими ужимками...

То была моя первая любовь. Я признался ей ещё, когда мы учились в начальной школе, сидя в деревянном домике на детской площадке. Она сидела тогда и елозила на скамейке, выпытывая из меня признание. А когда получила его, смеясь и краснея, убежала. Потом я долго не мог понять, почему это произошло и что со мной не так. А она сидела на первой парте с косичками, болтала, елозила на стуле, когда ей было скучно... А когда начался пубертат, и все стали активно искать себе приключений, она встречалась с моим другом, продолжателем славной рабочей династии с какого-то завода, потом с другим, затем с третьим... чуть ли не со всей брутальной элитой нашего двора, а я всё это время смотрел на неё со стороны и не понимал, что со мной не так.

До сих пор помню, как один, недавно вернувшийся из армии дворовый полу бандит по кличке «Дядя Толя», заглянув на школьный двор, стоял со мной и смотрел на то, как ОНА вдали кокетливо прыгает, выполняя какое-то упражнение по физкультуре. Прищурившись и глубоко затянувшись сигаретным бычком, он медленно и смачно произнёс: «А вот ту смугленькую, я бы пое...ал». И мне казалось, что нет на свете момента более кощунственного.

Да, мы дружили. Я вообще умел дружить с девушками. Потом только понял, что быть другом девушек – самое глупое позиционирование парня в подростковой среде. А она была не просто симпатичной, она была яркой, обаятельной, влюбчивой – не девушка, а мечта. Особую остроту добавляло то, что её интеллигентная еврейская семья даже не представляла, с какими «реальными пацанами» она теряла свою невинность.

А когда все умненькие детишки из интеллигентных семей разошлись по вузам, их одноклассники рабоче-крестьянского происхождения пошли в ПТУ. Кто-то загремел в армию, потом они бухали, кололись... кто чем измерял границы возможностей своего организма. Один из её бывших, кстати, умер от цирроза печени в 25 лет. Жизнь другого нашего общего друга примерно в этом же возрасте остановил передоз. Красивые, спортивные ребята были – цвет нации...

А она вышла замуж за однокурсника, будущего топ-менеджера крупной компании, и нарожала ему пару ребятешек.

А я? А я всё смотрел на это со стороны и...

– Иии... С чиво стартуим? – и зачем-то нагнулась ко мне поправить подушку... какой запах...

– А вот с чего!

Я резко скинул покрывало. Оказалось, что на мне была обычная белоснежная пижама – брюки и рубашка с короткими рукавами. Затем молниеносно обхватил её рукой за талию и перевалил через себя. Теперь уже она лежала под мной с широко раскрытыми глазами и ртом. Одежда, то есть халатик был без пуговиц и мешал мне. Когда я потянул его, он не стал рваться – легко и покорно распустился под напором моих рук прямо по шву (какая удобная ткань!). Так же среагировали и мои пижамные штаны – просто разошлись в нужном месте и выпустили то, что в них содержалось, наружу. Что же до её трусиков, то они вообще оказались в моих руках, стоило только слегка дёрнуть на себя. Она была сухой, а я ощущал жуткое нетерпение. Не было времени ни на разговоры, ни на флирт, ни на предварительные ласки. Пришлось плюнуть на руку и увлажнить её промежность. Пока я входил и потом в процессе, она не кричала, не жаловалась, просто лежала, не в силах справиться с шоком и, не закрывая своих огромных красивых глаз с лиловыми линзами, молча терпела моё спонтанное насилие.

Не знаю, было ли ей приятно. Я особо не заботился об её ощущениях. Я чуть не умер на минуточку! Кто знает, сколько мне ещё даровано?.. Надо действовать быстро и реши-

тельно, а думать и разговаривать будем потом... если позволят.

– Ну, вот и всё... финиш (всё-таки они хорошо надо мной поработали – чувствую себя как молодой бык, готовый к оплодотворению всех вкусно пахнущих тёлочек).

– Vsyо? Kakii ischo kaprizi u bal’nova?⁴

Она убрала прядь своих полуседых волос со лба, нашла скомканые трусики и засунула их в свой карман. Потом сдвинула руками края разошедшейся по шву ткани халата – та тут же срослась. Я сообразил и сделал то же со своими пижамными брюками – они так же срослись. Дыхание постепенно восстановилось. На меня накатило стыдливое чувство вины. НЕУЖЕЛИ Я ЭТО СДЕЛАЛ?!

– Сорри. Не удержался... Может, сходим сегодня вечером куда-нибудь, – это я, наверное, глупость щас сказал?

– Vecheram – u menya lichnaya zhizn’. Satri zdes’.⁵

Она показала на небольшую татуировку на шее. Вписанный в круг двусторонний древнегреческий топор.

– Эт чо такое?

– Ya – lesbi. Znachit – s men-ami ne splyu. Fiksiruy – prigadica.⁶

Весь её тон демонстрировал и обиду, и желчь, и даже ка-

---

⁴ Всё? Какие ещё капризы у больного?

⁵ Вечером – у меня личная жизнь. Смотри сюда!

⁶ Я – лесбиянка. Значит – с мужчинами не сплю. Зафиксируй – тебе пригодится.

кое-то превосходство и брезгливость.

– Вас клеймят уже? Полезная штука.

– Kleymim sibia sami, no ne vse. Тока geneki...⁷

– Ясно... Надеюсь, ты не в обиде? – я постарался улыбнуться и выжать из себя максимум обаяния, на какое был способен. – Друзья? Я, видишь ли, сто лет уже без этого... ну и не удержался. Ты ведь расскажешь мне ещё что-то об этом вашем мире.

– Ya ne abidelas', vse norm. Eta – rabota.⁸

Она присела на кровати и навела какой-то луч, исходящий из кольца на руке на свой живот.

– Nada srochna delat' nana-chistku.⁹

Ну конечно, мои сперматозоиды видимо так и прут к её яйцеклетке на всех парах – её луч именно это показал?

– А мне чо делать?

– Ni na kavo ne napadat'. Good? Ya bistra.¹⁰

Грациозно скользнула сквозь щель в стене и пропала. Как они все от меня разбежались молниеносно, как будто за инструкциями. Что со мной дальше делать? Не знают.

Можно пока хотя бы оглядеться. То, что я считал окном, оказалось чем-то вроде стереоизображения, висящего на стене. На нём с достаточно реалистичной перспективой

---

⁷ Клеймим мы себя сами, но не все. Только генетические...

⁸ Я не обиделась, всё нормально... Это – моя работа...

⁹ Надо срочно делать нано-чистку.

¹⁰ Ни на кого нападать. Хорошо? Я – быстро.

имитировался вид из окна на потрясающий лесной пейзаж. На самом деле окон в этой палате не было, но свет хороший, идёт как бы отовсюду и глаза не режет, и тепло ощущается. Как будто – естественный, солнечный. В обстановке ничего лишнего. Я бы даже сказал – совсем ничего. Моя койка это нечто не делимое на составные части. Пощупал бока и понял, что – некий целостный материал, наверху помягче и вязкий немного, а чем ниже, тем жёстче. Стулья, на которых сидели Сирена и Горлов, по ходу из того же материала белого цвета, почему-то без спинок. На прикроватном столике лежали фрукты. Сперва я даже подумал, что – бутафория, настолько они казались нереально идеальными. Взял машинально яблоко и надкусил – скулы свело с непривычки, но сок, такой сладкий с небольшой кислинкой брызнул мне в рот. Это было волшебно.

На левой стене обнаружил зеркало и попробовал встать, чтобы посмотреться в него...

Стоять и идти было нелегко – ощущались кое-какие проблемы с равновесием и мышцами. По полу было приятно идти босыми ногами – он был упругий и прохладный. Сделав пару шагов, я почувствовал судорогу в левой икре и упал. Пол принял моё тело на удивление мягко как батут, но такая мягкость возникла лишь в момент падения. Упругость тут же вернулась и не пропадала, пока я вставал и снова пытался идти, держась за стену. Так, я еле-еле доковылял до зеркала и поднял глаза. На меня смотрел человек, которого

я никогда не видел и вряд ли бы узнал, когда бы встретил. Ему было лет 40, а мне, как я себя помню – всего 25. Кожа была отвратительного коричневатого цвета. Борода и волосы на голове явно были пострижены наспех, чтобы просто не мешались, и потому торчали как слипшиеся клочья. КТО ЭТОТ ЧЕЛОВЕК? ЭТО ЯВНО БЫЛ НЕ Я. ЧТО СО МНОЙ ПРОИЗОШЛО ЗА ЭТО ВРЕМЯ? ПОЧЕМУ Я ВЕДУ СЕБЯ И ГОВОРЮ ТАК, БУДТО В МЕНЯ КТО-ТО ВСЕЛИЛСЯ?

– A vot ya snova. Lubuites’?¹¹

Она показалась в отражении, как с обложки глянцевого журнала. Яркий контраст с моей рожей. С горькой усмешкой я решил, что, даже не будучи лесбиянкой, любая женщина стала бы ею рядом со мной.

– С этим надо чо-то делать.

– Hatela s etava nachat’, no menya aperedili.¹²

Очередной упрёк в голосе, но уже менее язвительный, видимо, начала постепенно отходить.

– Ну, и какие идеи?

– Budem delat’ plastiku i malazhenie.¹³

– Прямо здесь?

– Net. Zdes’ nupaluchica. Vam nada bol’she hadit’. Pademte v kabinet.¹⁴

---

¹¹ А вот и я снова. Любуется?

¹² Хотела с этого начать, но меня опередили.

¹³ Будем делать пластику и омоложение.

¹⁴ Нет. Здесь ни получится. И вам надо больше ходить. Пойдёмте в кабинет.

– Падёмте! – над этой моей пародией она даже рассмеялась.

– Оу! Zhdite!

– Чо такое?

– Tapki!

Перед койкой лежали два тапка с отсутствующим верхом. Точнее верх был раздвоен и свисал по краям подошвы. Я поставил на них ноги, а Сирена присела и лёгким движением рук свела половинки верха на каждом тапке вместе. Те, разумеется, срослись. Причём так, что обувь стала плотно прилегать к стопе.

Потом она выпрямилась, взяла меня под руку, и мы проскользнули сквозь небольшую щель в стене, которая распустилась перед нами и сошлась сзади. В широком и таком же белом коридоре стояли два телохранителя с застывшей мимикой и какими-то мутноватым белёсыми глазами, в одежде, ничем не отличающейся от одежды медперсонала. Посреди коридора двигался участок пола. Мы с Сиреной встали на него и поехали, а боты несколько угловато, механистически, двинулись пешком за нами. В коридоре были всё те же самые белые стены с редкими вертикальными полосками (типа, дверьми). Практически восемьдесят процентов площади стен занимали светящиеся прямоугольники, транслирующие в 3D-проекции различные сюжеты. Около некоторых останавливались люди и как бы на ходу в процессе бурного обсуждения пальцами двигали изображения, и даже отдельные

объекты на них: «Etat “trikster” tireaet reiting. Uberite ivo na vtaroy plan» «Kuda ya ivo uberu?» «Sho Kuda? Suda uberite! Sho ya vso sam doljen delat?»

Часть людей, а, может, и не людей в коридоре имели такие же искусственные лица и мутные глаза как у охранников.

– Эт чо у них с глазами?

– Eta botiki. U ludey – linzi. Smatri zhdes.¹⁵

Она оттянула пальцем кожу под глазом, и я даже разглядел какие-то микро-микро схемы.

– Eta svyaz’, vihad v set’. Как “ma-bil’-nik”, “in-ter-net” u vas. Ya prahadila inschool.¹⁶

– Интернет помню. Мобильников не помню¹⁷. Ошиблась ты, Сирена, на пару десятков лет. Не было у нас никаких мобильных, тока пейджеры. Ну, не важно. Итак, у вас это – связь, а у ботиков что?

– U botikaf – vizori. Ani ne vidyat prosta – toka chrez kameri.¹⁸

– Ясно... А чё они ещё делают?

– Vso. Ani pamagaut nam. No personalkam suda nizya. Ya

---

¹⁵ Это боты. У людей в глазах линзы. Смотри сюда.

¹⁶ Это связь, выход в сеть. Как «мо-биль-ник», «ин-тер-нет» у вас. Я проходила в школе.

¹⁷ Комментарий к эпизоду: за год до заморозки, герой полностью погрузился в жизнь секты и не мог застать процесса распространения сотовой связи и появления сленгового выражения «мобильник».

¹⁸ У ботов это визоры. Они ни видят просто – только через камеру.

svaevo v mabile astavila.¹⁹

– Ну, долго нам ещё? – слишком уж быстро меня настигла усталость.

– Prishli. Vhadite.

Приложив руку к очередной полоске, Сирена развела в стороны половинки дверей, и мы проникли в очередное помещение, где была всё та же атмосфера света и радости. Посреди него стояли операционная кушетка и врач – женщина чуть старше Сирены и не менее глянцева.

– Znaites', doctar Alina Krista. A eta nash drevni pacient.²⁰
Ha-ha.

– Здрав-ствуй, Сирена. И вам здравствуйте.

– Здравсьте, доктор. Я так понимаю, вы тут людям молодость возвращаете.

– Атчасти так.

Как она мило улыбается, как кинозвезда и говорить явно старается, как я, но с трудом.

– У вас в будущем все так выглядят?

– У нас хорошиа медицина, – они с Сиреной переглянулись как-то уж слишком нежно, а я почему-то поморщился, услышав это слово «медицина», отчего-то оно вызвало у меня мерзкие ассоциации.

– То есть, эта ваша внешность – не от природы?

---

¹⁹ Всё. Они помогают нам. Но персональным сюда нельзя. Я своего в автомобиле оставила.

²⁰ Знакомьтесь, доктор Алина Криста. А это наш древний пациент.

– Не совсем. У нас практически все люди при достижении совершеннолетия абрасчуются к пластическим хирургам. Каждый может что-то поменять в себе. Груд, лицо, бюдра и прочее.

– В том числе пол, – добавила Сирена.

И вот они стояли передо мной, излучая сияние, а я думал, что эти дамы такие красивые только благодаря чудесам медицины. С генетической точки зрения наверняка – сущий брак. И тут же почувствовал охлаждение своих эмоций. СТРАННО... И КОГДА ЭТО ИМЕЛО ДЛЯ МЕНЯ ЗНАЧЕНИЕ?

– Садитесь. Какой возраст вас интересует?

– Понимаете, доктор, ещё пару дней назад мне было 25...

– Алина улыбнулась ещё милее, а Сирена моя опять хочет. – По крайней мере, по моим ощущениям времени. Смотреть на себя в зеркало и видеть такое просто невыносимо. Вы могли бы вернуть мне это состояние или хотя бы близкое к нему?

– Ну... с одной стороны для нас нет ничего невозможного...

– А с другой?

– А с другой, – неожиданно раздался мужской голос сзади и я развернулся, чтобы посмотреть... с другой стороны эта может оказаться нецелесообразным.

– Нецелесообразным, с какой точки зрения? И вы кто такой вообще?

– Eta pradiuser Minkh.²¹

Сирена как-то уж очень почтительно его представила, для неё и Горлов был как старший брат и Алина как сестра, а этот, судя по тону – вроде местного начальства, как я понял. Мужчина был молод и похож на карьерного проныру. Он был одет в какой-то витиеватый обтягивающий костюм, который в наше время мог одеть только гей, и был крайне ухоженным, ну, собственно тоже, как гей. Да и седина у него была какая-то голубоватая, прилизанная.

– Добрый день, мой друг, – он жеманно протянул руку, и я пожал её – рукопожатие было вялым.

– Привет, продюсер. Ты, что ли, тут главный?

– В некатараам роде.

– Странно... У нас продюсеры в шоу-бизнесе только были... а у вас видимо...

– У нас таа же ситуация. Но! Есть кое-какие атличия...

И он начал свой неспешный рассказ. В ходе этого монолога в кабинете омоложения я узнал, что информационно-развлекательный бизнес уже около сорока лет доминирует и в экономике, и в «паалитике». В России есть два основных медийно-промышленных холдинга, которым принадлежит пятьдесят процентов верхней палаты парламента и «праактически» весь Совет Федераций. Один из них – тот, на который он работает, называется Альфа. Альфа выдвигала нынешнего президента на второй срок. Так что ничего удиви-

---

²¹ Это продюсер Минх.

тельного. Телек по-прежнему контролирует умы людей. Даже спустя столетие.

– Не саавсем. Собственно «телек», как вы изволили выразиться, в том самом виде уже не существует. Информация крайне персонализированная. Индивид паалучает её через своего бота. Но, это вам сейчас сложно паняять. Ваажнее другое.

– Что именно?

– Вы лечитесь не на госденьги, как это ни прискорбно, – все в кабинете печально покивали головами. – Ваши спасители, видимо, знали, что, если зваанить медийщикам, помощь придёт быстрее и она будет гаараздо более существенной. Эта больница принадлежит нам, да и все остальные блага, которые вы будете палучаать в ближайшее время... тоже наше спонсарство... извините, канечнаа...

– И, по всей видимости, мне придётся как-то за это расплачиваться... Ты к этому клонишь, продюсер?

– Нууу... не абязаательна, – и снова все: Сирена вместе с Алиной почти синхронно замотали головами, глядя на меня тёплыми, успокаивающими взглядами. На самом деле вы нам ничего не даалжны. Ваша жизнь сама по себе крайне ценна для нас... а если гваарить проще – мы уже атбили затраты одним тем, что владеем и тааргуем эксклюзивной информацией о вашем бытие. И это, не учитывая того фаакта, что мы ещё ни разу вас не показаали... – он смешно жестикулировал так, что кисти безвольно болтались, как на шарнирах –

сильно хотелось оторвать ему эти руки и засунуть в... – Паака адни анонсы и цифры о показателях вашего здаровья... интервью с врачами и т. п.

– И, как я понимаю, это не может длиться вечно.

– Даа. Вы всё верно панимаете, даарогой мой пациент. Чтобы и дальше заботиться о вас, мы даалжны заключить с вами юридически аформленный договор. Ну, согласитесь, вы – уникальный информационный повад. При граамотном прадиосировании вы можете приносить прибыль. А при неграмотном – люди очень быстро удавлетворяют своё любопытство и астынут, – казалось, он так искренне мне сопереживает – это передавалось и голосом, и даже головой, слегка свесившейся в сторону. – Пара лет, не больше – и пастепенна каличество паклонниц и желающих выпить на брудершафт будет сакраащаться, на работу вас никто не ваазьмёт – вы абсолютно неадаптированы к нашей системе. В результаате акончите сваю карьеру в каком-нибудь абщежитии для бездомных... Паанимаете? Ну, вы извините меня, канечнаа...

– Да-да. Я знаком с журналистикой.

– Даа? Ну, таак тем более! Канечнаа, этот договор нужен нам, чтобы быть уверенными в своих инвестициях. Но, прежде всего, он нужен ваам. Прежде всего, чтобы получить гараантию абеспеченности на всю оставшуюся жизнь...

– Хорошо. Можете меня не убеждать, что моя жизнь вас волнует больше собственного бизнеса. Верю на слово. С договором мы решим... Причём тут мой внешний вид?

– Ну, как же! Ваш новый облик – это ваш собственный выбор и никто на него не вправе влиять. С другой стороны, это – часть наших инвестиций и часть стратегии, которая должна их акупить. Вы саглаасны, мой друг?

– Дааа.

– Паэтому настоятельно рекомендую прислушаться к маему саавету. Вам ни к чему 25-тилетний образ. Это совершенно не сааттветствует ажиданиям аудитории. Вот пасмаатрите.

Он нажал на свой браслет, и стена напротив оживилась. На ней появилось изображение пафосной презентации с эффектом глубины, графики всплывали и менялись, поверх них появлялись фигурки людей, дававших интервью, сидя перед мониторами в своих квартирах. Минх комментировал только изредка и давал понять, что по всем опросам самых разных целевых групп мой идеальный возраст должен быть где-то в районе 32-33-х лет.

– Итак, что скажете? Каково ваше ришение? – я почему-то перевёл взгляд на Алину и она, улыбнувшись, кивнула мне в знак одобрения – надо будет приглядеться к её шее на всякий случай.

– Послать бы тебя куда подальше, но... думаю, есть в этом какая-то логика.

– Вот и хаарашо! И ещё – бороду давайте аставим... но такую... аккуратненькую... дагварились? Нам нужен Wise

Old, а не Peter Pan.²²

– Да оставляйте, хрен с ней. Её потом и сбрить можно, если не понравится.

– Вам паанравится! – почти пропел он, но видимо уже был не со мной, так как расфокусировался и увлёкся чтением каких-то данных, судя по бормотанию «некст, некст, стоп», а потом и вообще какие-то слов, похожих на ругательства... – ну сё... иа пашёл... всем пака! Деваачки – работаем!

Он скользнул в проём двери, за ним из операционной вышла Сирена, зашли ещё две модельного вида медсёстры, меня раздели, уложили на операционный стол, который выехал из стены, смазали, вкололи очередных нано-роботов и, пока я уходил в сон, послали меня вместе со столом обратно в стену... Сквозь дремоту я слышал, как они обсуждали Минха: «On uje razvelsya?» «Ni znau. A sho? Nravica tibe? Hochesh, kaju imu» «Net, dura. Ni gvари» «Ha-ha, ti sho pugalas? On ni strashniy»... Мне хотелось встрять и объяснить этим обеим дурам, что ради такого пидара, как Минх, им совсем не стоит волноваться. Что настоящий мужчина просто не может так выглядеть, но силы меня покинули, а вскоре я и вовсе уснул...

...

Я иду по лугу, по мягкой, как ковёр, траве. Меня обдува-

---

²² Термины из теории Архетипов К.Г. Юнга. Wise Old – мудрый старец, персонаж, к которому обращаются за советом. Peter Pen – вечный мальчик, который играет, а не занимается чем-то полезным.

ет нежный ветер. То тут, то там по траве пробегают мелкие грызуны... вокруг много света, тёплого и нежного... он как будто струится отовсюду. Чистейший воздух, наполненный запахом листвы и цветов, вызывает желание дышать полной грудью. Я иду босиком и... будто, без одежды. Я практически не ощущаю никакого веса – ничто на меня не давит, ничто не стесняет моих движений. Мне не хочется суетиться, оглядываться, не хочется смотреть под ноги или задира́ть голову... я просто иду, как будто точно зная, куда мне нужно.

Луг постепенно переходит в лесистую местность. Деревья не стоят плотно друг к другу – между ними можно легко идти, не сворачивая с пути, не виляя. Они отбрасывают тёмно-зелёные тени на траву и свои корни. Вокруг кружат две маленьких птицы, то ли соловьи, то ли дрозды. Я протягиваю ладонь, они садятся обе, какое-то время сидят, что-то насвистывают, а потом упархивают прочь. Постепенно я осознаю, что мой путь лежит прямо по направлению к самому древнему и большому дубу посреди этой рощи. Кто-то или что-то ведёт меня к нему.

У дуба я, наконец, остаиваюсь. Он реально большой. В три обхвата. Его тёмная шершавая кора с глубокими прожилками приятна на ощупь. У меня такое чувство, что я вернулся домой. Мне легко и спокойно. Я не знаю, почему и когда я покинул это место. Но зато я знаю, что мне никогда не было покоя в моём путешествии, и только сейчас я могу его обрести. Я обнял дерево и немного постоял так в обнимку с

ним. Потом я опустился на колени и прилёг отдохнуть у корней. Странное желание, учитывая то, что я совсем не устал. Просто вся эта атмосфера – тень от кроны дуба, безветрие, свернувшаяся у моих ног дикая кошка – всё это намекало на то, что можно прилечь. На всё остальное у меня целая вечность, торопиться некуда.

Впервые, за всё время пребывания в этом мире, ко мне приходит мысль, что я сплю. Или...

Будит меня какой-то внутренний толчок. Сердце стучит чаще, появляется чувство чего-то невообразимо значительного, приближающегося ко мне, от чего нельзя отвернуться и что нельзя никогда предавать. Нечто – настолько властное, что перед ним можно только стоять на коленях. Я вижу, что за дубом находится источник какого-то крайне яркого света, и слегка выглядываю из-за дерева, не вставая с колен. Какое-то время вглядываюсь, прикрыв глаза ладонью, и вдруг слышу громоподобный голос:

– Здравствуй, человек!

Сердце моё замерло, и по телу пронеслась холодная судорога. Ну, разумеется! Можно было сразу догадаться, что это – чужая территория. И было крайне глупо рассчитывать на то, что она создана исключительно для моего комфорта. Первичный страх прошёл, но появилось чувство вины. И от чего так быстро это во мне происходит!? Ещё секунду назад считал себя достойным всего этого счастья, а теперь – тщетно надеюсь, что меня не заметят, и я смогу как-то спрятаться.

– Кто здесь? – какой дурацкий вопрос.

– Здесь – мы, Эукариоты, – медленно говорит, с расстановкой. – Древние Властители Земли.

– Древние? Властители?

Почему я переспрашиваю? Что за идиотская манера пытаться информацию, переспрашивая, как какое-нибудь эхо?!

– Да, человек. Ты здесь, чтобы встретиться с нами.

– Я об этом не знал...

– Тебе много ещё предстоит узнать.

Говорит загадками, но явно расположен ко мне. Всё это вкуче с окружающим меня миром вызвало однозначные напрашивающиеся ассоциации.

– Я в раю?

– Какая разница? Нам нужно многое обсудить. Если тебе неудобно, мы можем сменить обстановку.

– Немного неудобно, признаюсь, – я осознал себя стоящим на коленях и почувствовал неловкость.

– Странно. Нам казалось (их что, несколько), что это именно то место, где бы ты хотел быть больше всего.

– Ну да, разумеется. До вашего появления я именно так себя и ощущал... но... теперь, признаюсь, это только смущает...

– Хорошо.

Произнеся это совершенно флегматично голос пропал, свет тоже. Появился ветер и тут же задул яростно и с завыв-

ванием, начал сдувать деревья, траву, хотя на мне он не смог пошевелить даже ни одним волоском. Вот уже вместо травы появилась каменистая почва, деревья улетели с корнями прочь, в том числе и вековой дуб накренился, обнажив корни, со скрипом оторвался от земли и открыл перед глазами широкое пространство с высокими скалами вдали, вершины которых уходили ввысь далеко за облака. Расчистив местность, ветер прекратился.

Некоторое время я не двигался и смотрел по сторонам – куда ни бросишь взгляд, повсюду были камни, редкие кустарники торчали среди камней. Кажется, мне дали то, что я хотел. Первое время я продолжал по инерции стоять на коленях, а когда устал, то развернулся и сел на землю. Прежде всего, я перестал инфантильно «плыть по течению» этой фэнтезийной сюжетной линии и занялся рефлексией. Мне было непонятно, что со мной происходит. Как я сюда попал? Почему ничего не помню? То, что это не сон, становилось всё очевиднее и очевиднее. Это был какой-то странный мир, полностью во власти тех существ, которые хотели со мной поговорить. В нём явно не работали обычные законы физики. Зазеркалье – пришло на ум. Причём, какое-то готическое.

На меня упала и пробежала по телу чья-то тень. Я поднял голову – это был гриф. Он покружился немного, спланировал и сел неподалёку. Я решил – это знак. Мне нужно убираться отсюда, но... но продолжал упрямо сидеть и смотреть

на него. Скоро подлетел ещё один. Они важно прохаживались на почтительном расстоянии, изредка вычищая клювами своё оперенье. Обстановка становилась напряжённой и неудобной...

Ангелы и вирусы

Властители Земли... сидя там, на земле в ИХ МИРЕ, я думал о них и не понимал, как такое вообще могло со мной произойти. Может, я умер, а эта встреча – то, что ожидает всех умерших? На меня нахлынула печаль. Смерть... Кого это могло обрадовать?! Всё же умереть в 25 было особенно жалко. Я посмотрел на грифов. Они посмотрели на меня.

Ну что ж. Значит, закончилась моя жизнь. Если быть честным, то не было в ней ни смысла, ни значительных побед. Достиг ли я чего-то, пока жил? Да нет. Плыл по течению, жил так, будто ещё впереди куча времени и ещё успею что-то сделать.

Было ли во мне что-то яркое и особенное, чтобы про меня можно было сказать: «Вот это тот самый!», «Он – особенный» или: «Он знает, чего хочет, и упорно идёт к своей цели»? Вряд ли. А может: «У него постоянно какие-то идеи» или на худой конец: «Путь он даже последний неудачник, но есть в нём какая-то искра». Тоже нет. Скорее всё это я могу сказать обо всех вокруг, но только не о себе. Да и остальные обо мне такого не скажут. Они все всегда смотрели на меня как на пустой горшок, в который можно сваливать все свои мысли, проекты, мечты и достижения. Такое ощущение, что весь мир поделён на тех, кто ищет, куда бы всё это свалить (или отлить), а также на тех, кто представляет собой различ-

ные сосуды для этого содержимого – от изящных китайских ваз до унитазов в общественных туалетах.

Я никогда не торопился высказываться. По большей части я слушал и кивал. Я был журналистом – интервьюером от природы. Особенно хорошо мне удавалось посмеиваться в нужных местах, а также мычать, поддакивать, вскидывать брови – таких как я немного, и мы ценимся. За нами буквально идёт охота. Спрос превышает предложение. Это очень похоже на очередь в туалет в каком-нибудь пивном баре. Все уже нажрались, и им не терпится поскорее вылить своё содержимое наружу. А специальных сосудов для этого содержимого немного – дефицит. И вот на таких, как я, тоже походу дефицит. А что, спрашивается, будут делать два переполненных идеями человека? У них же нет свободного места, чтобы вместить поток сознания другого существа, у них и так всё через край льётся. Они перебивают друг друга, стараются перекричать, спорят, хоть и имели в виду одно и то же. Им не договориться никак. И вот появляюсь я. Преисполненный внутренней пустоты. И они наперебой кидаются ко мне, чтобы эту пустоту заполнить.

...

Гриф больно клюнул меня в руку, и я вскочил, отдёргнув её. Оказывается – заснул на этих камнях и не заметил. На руке красовалась тёмно-синяя ссадина от укуса. Это мне ещё повезло. Слышал, они умеют мясо вырывать из тел. Второй обходил меня с обратной стороны. Я попробовал лягнуть его

ногой, но он вовремя отскочил и неуклюже отлетел в сторону.

Снова мелькнули тени и захлопали крылья, а грифы, мельком оглянувшись, панически вспорхнули и поспешили скрыться. Я тоже обернулся. На меня летели двое прекрасных и воинственных ангелов с заострёнными палками наперевес. Они заслонили солнце и в его лучах пикировали в моём направлении. Величественная картина. Так и умереть не страшно. Второй раз... теперь уже, возможно, окончательно... только и успел подумать я. Но ангелы приземлились с характерным шлепком босых ног о камень и встали вокруг как телохранители, грозно озирая окрестности. Они были эталоном мужественности: накаченные мышцы, квадратные подбородки, плотно сжатые губы и сдвинутые брови. В их лицах читалась решимость сразиться с любой угрозой. Гениталии у ангелов отсутствовали – вид снизу не давал в этом усомниться.

– Вас послали Карионы?

– Эукариоты, – со вздохом уточнил один из них.

– Почему они бросили меня? Они ведь хотели поговорить.

– А ты хотел? – говорил всё время только один, поглядывая на меня сверху вниз, а второй даже не смотрел в мою сторону.

– Что это за мир? И как я сюда попал?

Они оба усмехнулись.

– Глупый человек. Этот мир – твой. Это МЫ сюда «попа-

ли».

Отлично, значит это мой мир. Тогда мне нечего опасаться.

– Это твой мир, но воюют в нём совсем другие силы, гораздо могущественнее тебя.

– Кто?

– Скоро узнаешь. Вставай и иди. Эукариоты на вершине. Они ждут тебя. Мы будем неподалёку.

Они взмыли вверх, и пропали за облаками.

Наконец, я решился, встал в полный рост и побрёл к горной гряде. Это было долго и не так приятно, как шагать по траве в лесу. Солнце скрылось за тучи, но всё равно было жарковато. Я вспотел и быстро натёр мозоли на ступнях. Если это загробная жизнь, то я, скорее всего, в чистилище. Ну что за глупые клише!

...

Продолжая путь, я вспоминал свою жизнь. Стали всплывать в памяти какие-то картины, но всё же небольшими обрывками, лоскутами. Мало приятного, мало занимательного, но то была моя жизнь, какая-никакая...

Я рос в рабочем районе, где родители хамили учителям своих детей, а их дети могли избить по дороге домой ненавистную «училку», которая понаставила им всем колы со злости и раздражения. Пока не наступила перестройка, гопники во дворе играли в «банки» (это похоже на городки, но вместо цели стояла жестяная банка из – под консервов, а кидали в неё арматурой и лыжными палками – они круто на

весь двор гремели, когда скользили по асфальту) и завоёвывали авторитет в драках район-на-район. Потом началась эпоха «качалок» и все самые крутые пацаны стали пропадать в подвалах многоэтажек. Когда-то они не прижились в секциях дзюдо и теперь, объедаясь стероидами и покрываясь красной коркой, набирали массу. В конце 80-х вся молодёжь оставалась по вечерам в своём районе и «гуляла». Больше в СССР делать было нечего. Дискотеки были редки и на них, как водится, было слишком много драк. Поэтому все совершали променады по знакомым местам, флиртовали, заводили романы, заправляясь разливным пивом или столовым вином, играли и пели под гитары всю ночь. В мужских компаниях всегда были вожаки, нуждавшиеся в благодарных слушателях. И я эту роль играл, конечно, лучше всех. Я и не прерывал, когда это не имело смысла, и нужное слово вставлял, когда оно подразумевалось. Короче, меня уважали самые разные авторитетные парни – непонятно только за что.

И это всё продолжилось во взрослой жизни – сначала на журналистском факультете, где не нашедшие себя в новой эпохе преподаватели ставили мне одни пятёрки. Ведь я умел их слушать. Затем – в редакции и вообще по работе. У кого я только ни брал интервью – и у депутатов, которые не умели, но хотели много зарабатывать, и у бизнесменов, которые не умели, но хотели вести себя как аристократы, и у левых, и у правых, и у христиан, и у мусульман... Каждый из них говорил мне какую-то свою хрень со значением истины

в последней инстанции. И каждый пытался передать мысль о том, что если человечество или, по меньшей мере, Россия не выслушает их послышу, то ждёт людей какая-то кара небесная, война, разруха ну или финансовый кризис на худой конец.

Конечно, я не мог долго носить эти все бредни в себе. Большая часть материала выбрасывалась тут же, если на её основе нельзя было написать хотя бы более-менее оригинальной заметки. Есть у меня такая привычка – не оставлять в себе ничего надолго... ну, чтобы всегда быть пустым. В этом же моё преимущество – к чему терять такое ценное свойство..!

...А вот и скала. Подойдя к ней, я присел передохнуть и посмотрел вверх. Решиться взобраться вверх – казалось сумасшествием. Если они разместились на самой вершине, у них был какой-то замысел. Может, я должен был заслужить эту встречу. Ну что ж. Ведь это мой мир. Что в нём может со мной случиться?! Подъём на Олимп всё же лучше, чем спуск в Ад. Совершенно не хотелось становиться участником ещё одной божественной комедии.

И я начал подъём. Сначала, мне вполне хватало ног, но вскоре угол наклона увеличился, что заставило использовать руки, и я продолжил путь, карабкаясь.

Путь на вершину был долгим. Вокруг кружились орлы, перекрикиваясь друг с другом, цепляя своими клювами меня за одежду, которая на мне как-то оказалась – подтаскивая к очередной удобной площадке. Горные винторогие козлы по-

казывали мне удобные направления для подъёма. Я не уставал, но у меня появилась испарина и отдышка. Я понимал, что всё это нелёгкий труд, но он того стоит. Постепенно я добрался до высоты, где облака накрывали вершину кучерявой белой шапкой, и на камнях осел иней. Какое-то время карабкался в непроглядном тумане и, наконец, увидел её – сияющую неземным светом вершину. Осталось совсем немного, и даже морозный воздух не мог меня остановить.

На вершине был такой ослепительный свет, что я не мог смотреть на него, не прикрыв глаза рукой. Я встал на плато и постарался разглядеть очертания высоких колонн и арок в греческом стиле. Между колоннами отбрасывали тени человеческие силуэты, исполненные величественной грации. Они ждали меня. Где-то из глубины звучали фанфары. Всё придавало торжественность моменту.

– Кто вы?.. – Наконец, решился я. – Неужели, истинные Боги?

– Мы – ре-пли-каторы, – медленно проговаривая слоги, ответил мне всё тот же бас.

– Какие-то смутно знакомые слова!

– Все они взяты из твоей памяти...

Я постарался напрячь память, но в воображении лишь всплыли скучнейшие уроки биологии в школе и образ училки, настолько отвратной, что, казалось, в ней был собран весь генетический брак человечества.

– Характер твоих реакций заставляет нас усомниться в

том, что ты тот, с кем стоит обсуждать нашу ПРОБЛЕМУ.

Свет стал понемногу остывать, а фигуры растворяться.

– Эй, стойте! – они меня испугали и вынудили суетиться, не мог же я снова их потерять после стольких усилий. – Я, может, чего-то не понимаю, но вы объясните – мне сообразительности хватит. Я, в общем-то, ничем не хуже любого другого... среднего человека...

– Хорошо, средний человек. Это нам вполне подходит.

– А в чём всё-таки ваша проблема? Разве у Властителей Земли могут быть проблемы?

– У нас всегда были проблемы. С самого начала... голос начал свой рассказ, а я не стал испытывать их терпение и присел на голый камень, силуэты фигур тоже медленно, подобно аристократам присели на их троны.

Мраморные колонны, ступени и портик, залитые светом, всё это постепенно исчезло... в том числе и я сам – мои глаза как бы парили одни в пустом сером пространстве.

– Ещё задолго до нас на Земле жили Прокариоты...

Пока он говорил, перед моими глазами проплывали пейзажи молодой планеты Земля, тот тут, то там вспыхивали, извергая лаву вулканы, небо испещряли молнии, гремели гром и взрывы; везде, где была вода – она бурлила как кипяток; небо было красным и жестоким. На Землю падал метеоритный дождь, камни вгрызались в почву, разбрасывая осколки на километры вокруг себя. А я узнавал о древней и беспощадной войне многоклеточных Эукариотов с однокле-

точными Прокариотами.

– Схватка с переменным успехом велась почти миллиард лет – это были дикие времена...

С ускорением перед моими глазами пронеслись годы и века, менялся ландшафт, появлялись и пропадали ледники, наступала засуха, континенты двигались навстречу друг другу, а внутри океана разрастались водоросли, превращая его в зелёное месиво. Атмосфера наполнялась кислородом, в воде зарождалась многоклеточная жизнь и постепенно заполняла собой всё вокруг.

– В затяжной войне мы практически победили, но не полностью. Очевидно, что мы явно потеснили их, а некоторых и вовсе приручили. Но, война не окончена. Оставшиеся Прокариоты всё ещё нападают на нас и на вас в том числе...

– И на нас? – я снова осознал себя, сидящем на горном плато перед Богами.

– И на вас. Вы – одни из многих бесчисленных хранилищ и распространителей Цистронов – наших тел.

– Значит... вы живёте в нас???

– Да, человек! А если быть точнее, то вы – наши создания. И потому вы беспокоите нас больше всего, когда становитесь полем этой битвы.

Это всё как-то с трудом умещалось в моей голове. Я пытался соотносить всё, что слышал, хоть с какими-то известными мне явлениями... Я слышал о таких религиозных представлениях как, типа, «бог в нас самих»... что-то в этом

роде, но не считал себя большим специалистом.

– Это что-то вроде борьбы добра со злом? Прокариоты – это что-то вроде демонов. Я правильно понимаю? Которые пытаются соблазнить и погубить наши души...

– Ммм... – Боги задумались. – Что-то в этом роде... да, но, прежде всего, они постоянно атакуют ваши ТЕЛА.

– Так вот оно в чём дело! Но, может, вы не в курсе, сейчас мы вполне успешно боремся с различными вирусами. Современные достижения медицины, знаете ли...

– Да. Это так. Вы многого добились, кому как не нам знать об этом... Ведь всеми своими достижениями вы обязаны нашим особенностям и усилиям, – в его голосе даже появилась какая-то затаённая обида за не признанность этой роли.

Теперь я снова видел картины, навязанные Эукариотами – перед глазами распростёрлась африканская саванна, по ней брели небольшие стайки австралопитеков, жалкие, пугливые, голодные.

– Люди смогли использовать все полезные мутации – от прямохождения и безволосости до особого энергического снабжения мозга, способствующего появлению сознания.

Время снова ускорилося – хомо-сапиенсы овладевали орудиями, борзели, нападали на хищных животных, от которых прежде прятались, объединялись в коммуны, племена, войска, появлялись города, государства...

– Люди – наше лучшее творение!

Было приятно, конечно, слышать такое, хоть и чувствува-

лась в их словах какая-то вторичная роль человека или даже ещё хуже – абсолютно пассивная, зависимая... в общем – никакая.

– Мы заложили в вас страх смерти и жажду жизни, тягу к познанию и изобретению, постоянно совершенствующийся разум, точность мышечных движений и способность к кооперации. Вероломные Прокариоты мутируют, адаптируются к вашим защитным механизмам и нападают даже на всю вашу систему иммунитета... но вы тоже не промах, в вас заложена брезгливость ко всему, что связано с болезнями и смертью, а также способность подстраивать нормы и мораль общества под степень его страданий...

Новая картинка перед глазами – чума в Римской Империи, голодающие, изуродованные болезнью римляне; восстания рабов; ранние христиане ухаживают за больными, миллионы трупов... далее чума в Европе Средних веков. Образы католических священников, объединяющих народ своими проповедями.

– Человек – совершенен. Он может даже выдумать религию или разработать законы жизни, которые помогут ему пережить чуму или СПИД и, вдобавок, наплодить миллиарды детей, давая, в том числе и НАМ всё больше и больше пространства.

Так вот в чём их истинная цель.

– Ну... тогда вы должны быть довольны!

– Нет. Мы не довольны. Мы не можем быть довольными

тем, что ваш вид делает с собой и с нами в конечном итоге.

– Ну, что ж. Вы сами заварили эту кашу... – что-то я разошёлся и уже азартно участвовал в полемике с ними.

– Да. Сами. Мы осознаём, что рано радовались своей победе. То, что дало вашему виду такие явные преимущества, в то же самое время приведёт и к его упадку... Возможно, ты будешь удивлён, когда мы скажем, какая самая главная проблема человечества, которая одновременно и самая большая его гордость...

Я пожал плечами... я уже ничему не удивлялся, а просто ждал, когда же он разъяснит, к чему клонит.

Но Эукариоты замолчали. Через минуту пропало всё видение разом... и я оказался в абсолютной темноте. Как будто кто-то просто взял и выключил нашу беседу, выдернул шнур из розетки. И тут я ощутил, что падаю куда-то вниз, несусь с огромной скоростью в преисподнюю – глядя туда, в глубине этой пропасти можно было не сомневаться. Ещё немного и я попаду в ад. Там было горячо и зловонно. Виднелась расплавленная магма. Я испугался не на шутку. Мне показалось, что боги забыли меня, отвергли, и теперь я буду навечно отдан на растерзание демонам. Наверное, так себя чувствует любой падший ангел...

...

...сознание постепенно возвращалось... сердце бешено колотилось... в полумраке надо мной склонилось какое-то странное лицо в светящейся полупрозрачной пластиковой

маске...

– Позовите Минха! Срочно!

– К чему такая спешка? – несмотря на маску, голос звучал довольно ясно и доброжелательно.

– Позовите его или кого угодно из этой теле конторы.

– Так в чём же дело?

– Я – вспомнил! Я вспомнил всё, что со мной было... ну, или почти всё...

– Тогда я особенно просил бы вас не упорствовать, – и снова эта странная попытка подражать дореволюционному или, по меньшей мере, довоенному стилю в речи.

– Отчего же, сударь мой? Извольте объясниться! И кто, вы, собственно такой, хочется вас спросить? – меня вся эта лингвистическая эклектика уже стала раздражать, а когда я раздражаюсь, то постоянно скатываюсь в жанр пародии.

– Дело в том, что вы не отдаёте себе отчёт, насколько у вас не равны шансы его переиграть или, по меньшей мере, сыграть с ним на равных. Вы практически ничего не знаете о бизнесе, на котором он собаку съел. А в его интересах скрыть от вас и ваши права, и то, насколько вы реально стоите сейчас на рынке. Скрыть до того момента, пока не будет подписан контракт.

– Я вас прерву. Вы – представитель конкурирующей медиа-компании? Какая-нибудь «Бэтта»?

– Нет. Скорее так – я действую в интересах других медийщиков, но не являюсь их представителем. Хотя это сейчас

и не важно... Я не прошу вас заключать контракт с кем-то другим. Я прошу вас не подписывать его вообще до тех пор, пока вы не получите независимую юридическую консультацию. А уже потом вы можете – либо диктовать свои условия Минху, либо рассматривать конкурирующие предложения – это уже ваше дело. Главное – не торопитесь. В том числе – не торопитесь выдавать информацию. Она у нас ооочень высоко ценится.

– Хорошо. А как же их расходы на моё содержание, лечение...? Потом, они вот омоложение мне сделали. За это я как расплачусь?

– Запомните! В наше время ни одна медицинская операция, да и вообще никакие материальные блага не могут сравниться по стоимости с лишним пунктом рейтинга в прайм-тайм.

– Постараюсь запомнить.

– У вас сумма какая-то в банке была... в той жизни?

– Ну да. В Сбербанке была... но небольшая.

– Сбербанк это плохо... китайские банки гораздо надёжнее... – вот никогда бы не подумал. – А что с собственностью? Недвижимость?

– Квартиры не было. Земля в Подмосковье и домик... 10 соток всего.

– Забудьте о Подмосковье. Эта земля теперь московская и стоит сейчас несколько миллионов юаней. Что весьма прилично!

– Так что в итоге? Можно поторговаться с Альфой?

– Разумеется! Но... желательно найти хорошего адвоката.

– И что? Думаете, прокатит? Минх сам сказал – у них половина парламента. У них и адвокаты, наверное, свои, и милиция тоже.

– Полиция, сударь, полиция... Полиция у них тоже... частично. Но!

Не забудьте, что я сказал – пункты рейтинга важнее и ценнее всего остального! Вы для них просто находка, и они будут бороться за любую возможность делать на вас шоу. Вы уже стали знаменитым и даже не подозреваете насколько. Так что не бойтесь – вас не убьют, как вы, наверное, подумали...

Я даже не думал об этом... но после его слов задумался...

– Извините, у меня срочный вызов...

Его прозрачная маска засветилась каким-то изображением, на которое он смотрел изнутри, а я снаружи; в инвертированном виде там был какой-то человек и он что-то нервно сообщал моему собеседнику. Наконец он отключил картинку и посмотрел на меня.

– Мне надо бежать. Меня могут обнаружить – прощайте, милостивый государь! Так у вас, кажется, принято обращаться!

– Скоро я уже и сам буду верить, что так. Удачи.

Перед исчезновением он сунул мне в ладонь какой-то маленький пластичный предмет в форме диска: «Это помо-

жет против ботов-секьюрити – создаёт помехи в их визорах. Просто сожмите, когда будете проходить мимо».

И он скрылся. Какое-то время я лежал в темноте и думал. Меня переполняли тысячи мыслей и эмоций. Прежде всего – я вспомнил, что со мной было во время моего столетнего сна. И это воспоминание просто распирало меня всего изнутри – настолько оно было ошеломляющим...

Послание истинных богов

Моё падение в бездну было недолгим... уже знакомые мне стремительные, сияющие крылатые и антропоморфные существа со свистом поравнялись со мной. Они подхватили меня за подмышки и потащили наверх.

Когда мы вырвались из жерла старого вулкана на воздух, я испытал искреннюю благодарность ко всем великим и могучим богам, которые отдали своим крылатым солдатам приказ спасти меня. Мы отлетели подальше от горы, стоящей посреди огромной пустыни, и мягко опустились на песок. Сердце от пережитого всё ещё бешено колотилось. Я прилёг и постарался успокоиться. По песку бегали жуки-скарабеи, муравьи и даже ползал неподалёку один скорпион. Отдышавшись, я какое-то время умилялся, глядя на них, и думал, что нет большей радости на Земле, чем испытывать такое состояние. Мимо пробежала ящерка, витиевато подползла змея и посмотрела на меня своими маленькими гипнотизирующими глазками.

– Привет, – сказала она.

Один из ангелов среагировал в долю секунды, насадив её на своё копьё.

Какое-то время я продолжал лежать, находясь в лёгком шоке и не смея ни о чём спрашивать своих спасителей. Затем, немного придя в себя, я перевернулся на спину и по-

смотрел на ангелов. Они стояли, как и в прошлый раз – настоящие стражи-телохранители, с копьями за спиной, осматриваясь вокруг, прикрыв глаза от солнца, в поисках признаков малейшей опасности.

– Что произошло? Почему прервался наш разговор?

– Лежи-не-дёргайся, человек. Рот закрой – вирус подхватишь, – ответил один из ангелов, не отвлекаясь от сканирования местности.

– Я всё никак не могу понять. Речь идёт о моём теле или о моём... сознании.

– Суть вещи неразрывные.

– Мы защищаем и то, и другое...

Второй ангел заговорил со мной впервые, он имел хрипловатый, даже чуть осипший голос, и он был более словоохотлив.

– ... Именно сейчас идёт жесточайшая битва за твоё спящее тело.

ТАК Я СПЛЮ!!!!!! Я НЕ УМЕР!!!

– И в то же самое время – мы защищаем твоё сознание от проникновения ментальных вирусов. Всё это одна сплошная линия фронта... А в последнее время вы, люди, сдаёте свои позиции.

– Но ведь размножаемся мы хорошо. Эукариоты говорили...

– Эукариоты мудры. В мелочах настоящего они видят очертания будущей беды.

– Так почему же они не могут ничего сделать?!

– Они тебе сами всё лучше объяснят, – снова осчастливил меня своим вниманием первый ангел.

– Что такое? – я уже напрямую обратился ко второму. – Ну, объясните же, наконец!

В пустыне было сухоовато, и ветер заносил в глаза песчинки, хотелось пить и вообще покинуть это место. Я произвольно сплюнул песчинки, попавшие рот.

– У вас резко снизилась генетическая сила. Полезные, способные противостоять вирусам мутации не распространяются в генофонде.

– Но, почему?

– Потому, что вы потакаете своим страхам, удовольствиям, подавляете инстинкты... – второй ангел был преисполнен презрения.

– Потому что вы лечите и продлеваете все самые жалкие жизни...

– И что? Что-то я не понимаю – в этом наша вина что ли? А мне казалось, что лечить больных, помогать слабым – это и есть то, что отличает нас, людей, от животных.

– Глупые, несчастные наркоманы – вот что отличает вас от животных!

– Хватит лечиться, люди! Через слабых и больных в ваше общество будут всегда проникать самые вредные вирусы. Слабое тело – переносчик чумы и холеры, а слабое сознание – идей, ведущих к вырождению человечества. Совместно с

развитием технологий это всё может стать началом конца.

– Технологии и медицина... так вот что имели в виду Боги... наша самая большая гордость...

– И самая главная проблема...

Такое ощущение, что с человеком тысячелетиями играли в какие-то игры, изображали заботливых и строгих богов, а потом сняли с себя маски и показали усталые лица. И ещё произнесли пару фраз, мол, театр продают за долги... спектакля больше не будет, расходитесь по домам. Я смотрел на этих ангелов, и они напоминали мне рыцарей круглого стола, уставших от крестовых походов, не мывшихся неделями, не спавших сутками... разочаровавшихся во всём... но по привычке всё ещё выполняющих свой долг.

– Расскажите мне про эти... ну, ментальные вирусы. Я о них ничего не знаю.

Ангелы рассмеялись, переглядываясь друг с другом.

– Что смешного? Я и, правда, ничего не знаю об этом.

– Ты весь состоишь из них.

– Посмотри на нас – что ты видишь?

Я посмотрел: «Эммм... Ангелов... с крыльями и копьями...»

Они снова расхохотались.

– Вот, человек, – отвечал второй, хриплый ангел. – Ты же спрашивал, что такое – вирусы?²³

---

²³ Понятие культурного вируса – мема – ввёл в обиход Ричард Докинз в книге «Эгоистичный ген», а также развил его в книге «Бог как иллюзия».

– И почему они выбрали его? Он нечистый... его мозг полон этой шелухи.

– Эукариотам лучше знать. Они заказали это Самадхи. Им нужна была вторая раса.

– А потом третья...

– Эй, ангелы... – захотелось их немного отвлечь от этой перепалки.

– Мы не ангелы. Мы – Интерфероны²⁴, охранники. А Эукариоты – не Истинные Боги, как ты их назвал. Они – ваши гены. Мы с вашими человеческими мифами не имеем ничего общего.

– Но ведь играете в них!

– А как ещё было привлечь к себе внимание «среднего» человека?

– Ваши мифы не так безобидны, как кажутся на первый взгляд. Они тоже мутируют, – второй ангел по традиции выдавал информацию более серьёзную. – И постепенно, незаметно от нас их влияние на человечество стало так велико, что даже самые лучшие генетические программы не могут ничего с этим поделать...

Я сидел на песке, ошарашенный, и думал... загребал песок рукой и сыпал его сквозь пальцы... появлялись вопросы один за другим, и я не знал, стоит ли их задавать. Не хотелось никого здесь разочаровывать, не хотелось казаться бес-

---

²⁴ Название, под которым в настоящее время объединяют ряд белков, выделяемых клетками организма в ответ на вторжение вируса.

полезным и никчёмным. Я хотел им помочь, этим древним борцам с вирусами. Своей сермяжной правдой они меня как-то даже покорили.

И вот почему-то ярко всплыл один образ из этой череды воспоминаний – передо мной лицо главреда, женщины зрелой, серьёзной, матери двоих детей. Мы с ней пару раз переспали, но... на деловой стороне наших отношений это не сказалось. В формальной обстановке она вела себя как строгая и занудная училка. И вот она сидит в своём кресле в офисе редакции и, стряхивая пепел на ковролин, дочитывает очередную статью за моей подписью на тему: «Верят и воруют!» – такие заголовки в нашей газетёнке были всегда особо популярны. Я сижу напротив и в сто первый раз изучаю висящие на стенах грамоты и портреты всяких там Хемингуэев, Бродских... вдыхаю едкий дым её сигарет.

Откладывая в сторону прочитанную статью, она спрашивает своим хриловатым голосом как-то неожиданно: «Ты, наверное, самый безнадёжный циник. Ты что, вообще ни во что не веришь?»

– А во что я должен верить, извините?

– Да хоть во что-то. Каждый человек верит в какую-то религию, эзотерику, не знаю... просто в духов...

– ... в ариев, атлантов, в джедаев, инопланетян... – мне было скучно слушать это всё в которой раз, и я играл с неизвестно как попавшей мне в руки скрепкой.

– Всё ясно с тобой... ты думаешь, что всё это изобилие

версий лишает ценности каждую из них, но ты – ошибаешься. Всё это лишь испытание для истинной веры... – она подняла вверх два пальца, с зажатой между ними сигаретой. – Когда ты обретёшь её, ты это поймёшь – тебя уже ничто не сможет сбить с пути.

– Так, по-твоему, я приду к какой-то конкретной религии? Уж, не к твоей ли? – намёк на семитские корни главреда.

– Да нет, – она выдохнула дым, пожав плечами. – Думаю, ты обретёшь что-то своё... а что именно – не знаю, но я просто уверена, что обретёшь, – главред убеждённо ткнула в моё лицо всё теми же «говорящими» пальцами с сигаретой.

– Так в чём же смысл? Если у каждого есть какая-то своя истинная религия, то к чему они вообще нужны – ведь это означает, что ни в одной из них нет истины.

– Часть истины есть в каждой. Кто знает... быть может, за всеми религиями стоит какая-то одна невероятно сложная идея, которую без метафор не объяснить. И каждая из них – лишь способ передать это истинное знание каждому конкретному человеку. Это как ключ, который подходит лишь к определённой замку.

– То есть я – замок без ключа, но к которому просто надо подобрать отмычку?

– Что-то вроде того.

– Весьма поэтично! – люди редко замечают, когда я откровенно издеваюсь над ними, не меняя своей интонации и

сохраняя серьёзное выражение лица.

Удивительно теперь после всей той полной цинизма и разочарования жизни осознавать то, что именно я, а не кто-то другой, буквально имел опыт общения с самыми настоящими Богами. И ещё то, что этот опыт был настолько реальным, что мои реакции на этих Богов и их слова были изначально полны почтения. Я как будто всегда знал, что они есть, какие никакие, но они есть – наши Боги. И моментально узнав их, я стал вести себя как любой порядочный мистик, любой, готовый поклоняться и внимать гласу высших существ. В мгновение ока атеист, преисполненный безверия, поверил... поверил, даже не требуя доказательств. Странно всё это... и удивительно.

...

Из-за бархана появились стройные, слегка вытянутые фигуры. Я встал и увидел целое море таких фигур, бредущих по пустыне. По мере их приближения я разглядел, что часть из них выглядели как ангелы, а часть – как египетские боги. Они были высотой метра три, а вместо человеческих голов у них были головы животных – птиц, собак и прочих. Метров за десять все встали, и только пятеро продолжали приближаться, что заставило моих ангелов преклонить колени и нагнуть головы.

Говорил, а точнее открывал и закрывал свой клюв самый главный Бог египтян – Гор.

– А вот и снова мы. Прошу прощения за этот сбой.

– Да ничего страшного...

Они присели на песок, а за ними также присела и вся их многотысячная армия. У всех богов была смуглая кожа. Они носили расшитые золотом кожаные юбки-передники, часть из них треугольной формы. Торсы были обнажены, и по этому я определил среди них одну женщину с головой гепарда.

Гор долго отвечал на мои вопросы. Мало-помалу я освоился, и даже солнце не так слепило глаза, хоть и не думало клониться к закату. В один момент мне показалось, что они уж слишком сильно давят на меня. А это мне всегда не нравилось. Я был уже практически их сторонником, но они всё продолжали нудеть, изображать наставников, правителей и т. п.

– Так, может, это только для вас проблема? Может, всё дело в том, что мы вышли из-под вашего контроля благодаря своей технике и культуре, и вас это пугает?

– Это смешно, – Гор не смеялся, учитывая наличие клюва, скорее, он просто копировал привычный для меня речевой оборот.

– Пойми, чем сильнее и успешнее вы, тем лучше нам. Но вы слишком увлеклись, устраняя сами условия отбора, который благоприятствовал всему самому лучшему. Ваша культура в настоящий момент готова принизить любое природное превосходство и возвысить что угодно, даже самое хилое, беспомощное и извращённое. В конечном итоге это может привести к вырождению вида.

– С этим я бы согласился... Но, согласитесь и вы, смешно на самом деле другое – то, что некие древние Властители Земли не могут взять и внести заранее САМЫЕ НУЖНЫЕ изменения в гены всех рождающихся на Земле младенцев!

– Не можем. Мы НЕ ЗНАЕМ, какие изменения нужны. Самые древние из нас выжили не потому что предвидели, а потому что просто ОКАЗАЛИСЬ самыми успешными мутациями. Пойми – вирусы тоже мутируют. По нашим сведениям, Прокариоты готовят сильный удар по вам. У них уже всё готово, а у нас... Всё слишком быстро стало меняться... а мы не успеваем... просто не успеваем...

Гор печально покачал головой, оглянулся на своих друзей, чьи лица были не менее печальны, и встал в полный рост.

– Довольно разговоров на первый раз! Тебе сложно понять нас, пока ты рассуждаешь как человек. Придётся тебе увидеть всё своими глазами и прочувствовать на своём опыте.

– Эй... я, если честно, не могу тут надолго задерживаться... дела, знаете ли. Скоро меня разбудят...

Вслед за Гором поднялся и Анубис – у мужика была пёсья голова. Он произнёс утробным голосом:

– Ты УЖЕ опоздал, ты безнадёжно опоздал, куда бы ни торопился, лишь услышав первые звуки нашего голоса. Время в том месте, где мы находимся, течёт крайне медленно. Твои предшественники многое рассказали нам о вас, людях, но возродиться не смогли. Если тебе это удастся, то ты пере-

дашь человечеству наше послание.

Все остальные боги тоже повставали со своих мест.

– Возродиться... Значит, я всё же... умер... – я снова начал осознавать весь ужас своего положения – моё тело возможно уже захоронено, а я тут веду беседы со всеми богами человеческой истории в каком-то замедленном пространственно-временном континууме.

– Нам очень жаль. Но к концу нашего разговора – вполне возможно, что люди, с которыми у тебя когда-то были дела, уже и не вспомнят о твоём существовании. Теперь у тебя нет никаких дел, никаких друзей и врагов.

– Но... может ещё не поздно? Монахи обещали разбудить меня через неделю...

– Поздно... монахи не собирались тебя будить. Прошли годы, а не недели... А чтобы понять нас тебе придётся потратить ещё немного времени...

– Годы..! А немного – это сколько? Пару-тройку сотен лет?

– Возможно.

– А что потом? Кто меня оживит?

Мне ответил Гор:

– О твоём теле сейчас заботятся. Люди будут передавать его друг другу, от поколения к поколению. Возможно, у них получится сохранить тебя, кто знает. Но этот риск стоит того. Твоя жизнь не значит ничего по сравнению с ценностью жизни вообще...

– Но это не вам решать!!!

– Нам. С этого момента, ты – один из нас. И ты сможешь почувствовать, что значит быть властелином жизни, слепым и бессильным! – все боги, кроме Гора с его клювом горько усмехнулись.

– Я не просил вас о такой сомнительной чести! Верните меня!

– Добро пожаловать! – казалось, он меня уже не слушал. – Надеюсь, скоро ты поймёшь и примешь все наши ценности и мотивы. А потом сможешь передать это людям... если выживешь.

Фигуры Богов повернулись ко мне спинами, и пошли к остальным, которые в это время тоже поднялись. Их порядки расступились, пропустив пятёрку лидеров. А когда те прошли, вся толпа Эукариотов развернулась и тоже направилась прочь. Я вбежал на дюну и смотрел, как эта армия удалялась, не зная, как мне их остановить и упросить отпустить меня. Мои ангелы пронесли у меня над головой, догоняя своих собратьев. Прошло какое-то время, и вскоре я остался совсем один. И это было только начало.

...

Противостояние

Вспомнив свой разговор с Эукариотами и всю свою последующую жизнь среди них, мне хотелось как можно быстрее поделиться этими воспоминаниями и предупредить человечество о том, куда оно движется. Хотелось всё выплеснуть из себя, закричать на весь мир... но вся эта реальность с какими-то конкурирующими медийщиками, захватившими власть, женоподобными продюсерами, контрактами, шпионами, разговаривающими языком Достоевского, но скорее в каком-то кафкианском романе...

...Вполне реально замаячила впереди перспектива стать таким экспонатом, которого будут показывать публике для её увеселения. Кому я буду это всё говорить!? И даже если мне дадут слово, кто его услышит и как воспримет?!

Постепенно в комнате становилось всё светлее и светлее, создавалось ощущение восхода солнца, приятного летнего утра – даже птицы защебетали где-то приглушённо. Ещё через некоторое время в палату зашла Сирена, с другим цветом волос – в этот раз пепельным, но в той же одежде и с тем же запахом – она, конечно, очень сексуальна. Жаль, что лесбиянка.

– Как chustvie?²⁵

– Отличное чувство, – я даже улыбнулся ей, пряча диск

---

²⁵ Как самочувствие?

под подушку.

– Wou! Pryam krasavec iz retro-filmav.²⁶ Она тоже улыбалась во весь рот.

– Да ты что! Меня уже закончили омолаживать?

– Yes! Glyante.²⁷

Я с трудом встал с постели и, хромя, подошёл к зеркалу. И почему они ничего не делают с моими ногами? На меня смотрел чувак явно из голливудских фильмов. Какой-то прям Шон Коннери с аккуратной седоватой бородкой.

– Я тебе нравлюсь, Сирена?

– Vi snova? Ya je gavarila.²⁸

– Помню-помню. Но, может, тебе просто не попадался нормальный мужик до сих пор? – Я вспомнил этого Минха и попробовал посмотреть на неё максимально брутально.

– Eta ge-ne-ti-ka!

Очередной урок из школьной программы вспомнила.

– Что значит – ге-не-ти-ка? Мама – тоже лесбиянка?! – Я спросил с иронией, но даже не был готов к ответу.

– Obi mami. U menya ne bilo papi – minya rajali i vaspityvali МАМИ!²⁹

На какое-то время у меня пропал дар речи. С одной стороны, я не понимал, как это возможно, с другой стороны, до-

---

²⁶ Оу! Прямо красавец из ретро-фильмов!

²⁷ Да! Посмотрите!

²⁸ Вы снова? Я же говорила.

²⁹ Обе мамы. У меня не было папы – меня рожали и воспитывали МАМЫ!

гадывался, что медицина явно за 100 лет продвинулась, но... Было ещё кое-что...

Я с ужасом стал понимать, насколько положение ухудшилось с тех пор, как я заснул в окружении своих монахов, чтобы победить смерть... Эукариоты были правы – человечество сошло с ума. Оно реально отменило все существовавшие миллионы лет условия естественного отбора. И продолжает отменять – будто остановиться не может. Будто наш мозг подхватил какой-то вирус, чья задача повернуть движение эволюции вспять...

– Сирена, а вы со своей девушкой... или кто она тебе, парень? Ну не важно. Вы тоже собираетесь завести детей?

– Kanечna.

– И как это будет происходить... ммм... технически?

– Medicina v nashi dni mojet vse!³⁰

Снова то же отвращение на слово «медицина», но теперь я уже понимал причину.

– И много вас таких? Генетических?

– Pachtì 20 procentov, esli schitat' escho gomov.³¹ С гордостью какой-то говорит даже.

– Многовато... Послушай, Сирена, ну а вдруг так случится – ну, комета упадёт какая-нибудь... взорвётся... ну, там, ядерная зима и так далее...

– И чта?

---

³⁰ Медицина в наши дни может всё!

³¹ Почти двадцать процентов, если считать ещё гомосексуалистов.

– Ну, как, что? Человечество погрузится в хаос. Цивилизация закончится. Все мы, выжившие, станем бродить в поисках консервов, отбиваться от мутантов и так далее...

– Иии?

– Иии меня интересует только одно – как, вы, двадцать процентов, будете размножаться без «ми-ди-цины»?

У неё вдруг неожиданно расширились глаза, она несколько раз нервно помахала своими огромными ресницами и вдруг – заплакала... Развернулась и стала всхлипывать, прикрыв глаза руками... Интересно, подумал я, а у них во время плача линзы без помех работают?

Вот и довёл бедную девушку. Она даже после моего нападения так не переживала. Подошёл к ней сзади, приобнял за плечи и стал утешать, слегка поглаживая... потом подвёл к своей койке и положил лицом вниз. Её кротость, ранимость нежной души возбудили меня ещё больше, чем прежняя первобытная женственность.

Второй наш с нею раз был уже не таким суетливым и яростным. Кажется, я даже смог доставить и ей немного удовольствия. Когда она вставала и уходила прочищать своё влагалище, не было никаких упрёков, никаких презрительных взглядов. Уходя, она даже спросила, не проголодался ли я. Конечно проголодался!

Сирена нажала на браслет, и в стене образовался столик с подносом, на котором лежала самая обыкновенная деревенская еда, но только всё самое свежее и без малейших изъ-

янов. Идеальный помидор, огурец, идеальное яйцо, идеальный творог и стакан идеального молока.

– У меня с лактозой проблемы. Непереносимость.

– Uje net neperenasimasti.³²

Мне кажется или она действительно улыбается как-то иначе, теплее?

Когда я заканчивал завтрак, зашли Горлов и Алина. Они были такими потрясающими, то есть выглядели как идеальная пара двух лучших особей человечества. Я тут же подумал, что у них – отношения.

– Ну-с, милостив... ой, простите, забываюсь... Давайте посмотрим на вас. Вы-то уже себя видели?

– Видел.

– И как вам?

– Ничё так. А вам? – И посмотрел на Алину.

– Ви – маи сами лубими проджект. Ета била слажнее, чем абична – ваш возраст и то, чта с вами есчо никто не работал.

Во что превратился наш язык, если уже наши врачи говорят как экспаты.

Горлов и Алина достаточно долго осматривали меня, просвечивая разными лучами, трогали себя за всё, что только можно: кольца, браслеты, кулоны и серьги. Они расфокусировывались и снова «возвращались» в реальность. Я вертелся у них перед глазами сперва в пижаме, потом и без неё, а они говорили на каком-то совершенно непонятном, пти-

---

³² Уже нет непереносимости.

чьем языке. Под конец осмотра зашёл Минх с папкой в руках, поздоровался и попросил у них отчёта. Опять просвещение, потом какие-то графики на стенах... я старался что-то понять хотя бы по его мимике. Но он, кажется, не был ни удивлён, ни раздосадован. Вроде всё шло так, как он запланировал. Поэтому и я успокоился. Потом доктора ушли, и мы остались с ним наедине.

– Ну, каак вы?

– Вашими молитвами.

– Вижу, Вы тут асвоились, дараагуша.

Убил бы этого педика, как он бесит!

– Доктаара гаварят как минимум о двух эякуляциях с мента праабуждения, извините канечна. Нравится Сиреночкаа?

Я почему-то покраснел – скорее от неожиданности, когда нечто интимное вдруг стало публичным и у тебя так просто и в лоб спрашивают об этом.

– А тебе, как будто нет!

Вот щас – то мы и узнаем истину.

– Мне лична нравятся... эммм... другие, скаажем, особи.

На Сирену я смотрю скорее каак профессионал: наасколько харашо ана смотрится в каадре, телегеничность, дикция. Да и паатом – она настоящая в этих своих спаантанных эмоциях.

– Угу? А какие такие другие особи? Мужики что ли?

Я пригляделся в область шеи и заметил татушку ровно в

том же месте, что и у Сирены, только в круг там был вписан простой треугольник.

– Паачти. Но это не саавсем тема нашего с вами разговора.

Что-то мы вдруг сразу такие деловые стали, засмуцались...

– Враачи гаварят, что вы вполне здааровы, а я вижу, что и внешне вы теперь – настоящий телегерой. Пришло время показать вас нашей уваажаемой публике. Паверьте, аана уже заждалась.

– А ничё, что я хромаю немного?

– Это ни сложнаа исправить. Немного физиотерапии – тренажёрный зал, саатветствующее питание... Но... извините, великаадушно, только после первого интервью.

– Почему?

– Должен же быть у вас хоть каакой-то дефект. 126 лет – эта серьёзна. И зритель нам просто не паверит, если выйдет такой бодренький паацан. Ну, саглааситесь...

– Вы и это просчитали? Деловые!

– Мелочей в нашем бизнесе не бывает, дараагой вы мой.

Сегодня он не был многословным, чувствовалось, что передо мной деловой человек, каждая минута которого стоит больше, чем моя жизнь.

– Гаатовы прочеть договор?

– Готов-то готов, но только не уверен, что пойму там что-то.

– Не уверены? Я саагласен – там много всиво такова, что

даже я не понимаю... термины, ссылки на законы... но! К дагаавору имеется прилажение с комментариями на паанятном вам языке. Это приложение вы и паадписываете. Мы всё-всё учли. Даавайте я научу вас пользоваться этой штукецей.

Он открыл папку и передал мне её в руки.

В папке не было никаких бумаг – но через секунду над поверхностью появилась проекция с невероятной чёткостью. Передо мной была стопка листов бумаги, которую Минх стал листать, двигая пальцем в воздухе. Также в воздухе висело некое меню с кнопочками.

– Ну, вот как-то так примерна. Не хаател бы вас торопить, любезнейший, но у нас асталось не так много времеени. Если вазникнут какие-то вопросы, нажмёте вот на эту кнопку... паявится всплывающее меню – выберете вот этаат пунктик, и прямо перед ваами вазникнет экранчик связи с наашим юристом. Его зовут Иван Иванович. А вот и он, наш уважаемый юрист. Прива, Иваныч!

Почти весь экран заполнило собой лицо абсолютно лысого человека в очках роговой оправы – явно для понта, ведь, наверняка, они все эти банальные проблемы со зрением решили. А это имя «Иван Иваныч» – ну прям такая явная попытка вызвать у меня доверие.

– Не прива, а добрый день, уважаемые дамы и господа. Я вчера весь день изучал различные речевые обороты двадцатого века, в том числе и по фильмам детективного жанра...

с адвокатами, разумеется, с их выступлениями в суде.

Смеётся... ещё один клоун.

– Здравсьте.

– Окей, Док, да связи. Если что, вы наашему пациенту всё- всё расскажете, ни чего не таите. Лёгким нажатием на виртуальную кнопочку, он его вырубил.

– Ну-с, теперь наам всё панятно? Ваапросы есть?

– А в сеть можно выйти?

У него появилось крайне озабоченное выражение лица.

– Вам в сеть низя. У наас любой законный выход строга-строга персонализированаан и прааходит под контролем медийной каампании и службы госбезопасности. Жизнь в этом плане сильна изменилась за сто лет.

Затем его лицо прояснилось, как будто солнышко вышло из-за туч.

– Но, каагда падпишите каантракт, у вас паявится свой персональный Бот, а чирез ниво – безлимитный аккаунт до самава каанца вашей жизни.

Явно не хотят, чтобы я общался с внешним миром, хитрецы.

– Доступ в интернет – эта сейчас срадни загранипаспорту. Каашмар, адним словам.

Читая пункты договора, составленные вычурным юридическим языком, я невольно отвлекался и думал о своих перспективах. Будучи китайским миллионером, я смогу, видимо, сам диктовать этим медийщикам свои условия. Я могу

оплатить свой аккаунт для выхода в интернет, могу нанять адвоката, могу купить эфирное время... Или не могу? Как он там сказал? «Ничто не сравнится по ценности с лишним пунктом рейтинга». В конце концов, я смогу донести до людей послание Эукариотов – почему-то мне это сейчас казалось чуть ли не смыслом жизни.

Чтобы вызвать адвоката, я нажал соответствующую кнопку. Сперва была видна лишь часть его кабинета – это не был какой-то ожидаемый футуристический дизайн. Обычная, стереотипная библиотека – тёмное коричневое дерево с корешками толстых томов книг. Только спинка кресла указывала на то, что я находился в другом веке – сложно описать этот материал, учитывая несовместимость его кажущейся полупрозрачной лёгкости и прочности, эргономичности, экологичности. Я просто обожал трогать эти новые для меня поверхности или пожирать их глазами, пытаясь представить, каковы они на ощупь. Адвокат, наконец, подошёл и сел в кресло, приятно улыбаясь.

– Появились вопросы?

– Да, появились. Иваныч, скажи, сколько зарабатывают юристы в ваше время?

– Ха-ха. Но, это же не имеет никакого отношения к договору.

– Да. Не имеет. Ну и что? Может, мне просто поболтать захотелось о жизни. Кем мне быть? Какой путь выбрать?

– Хотите примерить на себя костюм адвоката?

– Да не обязательно. Просто нужна какая-то точка отчёта.

– Хорошо. Скажу так: средний годовой доход нашего брата – 60 тысяч юаней в год. Хотя, есть, разумеется, и звёзды с гонорарами гораздо большими.

– Понятно. Бот с ними со звёздами, а врачи, сколько средние зарабатывают?

– Так вы бы у них и спросили. Их же сейчас вокруг вас должно быть предостаточно бродит.

Ха-ха... – юморист, хренов.

– Спросил бы, но им же не платят за консультации. Правильно? Я вот ещё и про продюсеров хотел узнать. Это ведь, наверняка, высшая каста какая-то. У них, по идее, суммы должны на порядок от ваших отличаться...

– Да нет. Это вы загнули. Больше, чем мы? Да! Но не на порядок уж точно.

...Сработало.

– Так сколько – 100 тыс., 150?

– Ну да... что-то типа этого.

– Скажи, Иваныч, а если бы некий клиент предложил бы тебе данную сумму, ты смог бы бросить все свои дела и заняться только его проблемами?

– Возможно... – что-то он напрягся... и улыбаться перестал.

– Иван Иваныч, – я глубоко вдохнул, – не буду ходить вокруг да около. У меня к тебе вполне конкретное предложение – вытащи меня отсюда и помоги встать на ноги. А я тебя

заплачу – у меня земля есть на окраине Москвы.

Он даже не успел ответить, только рот открыл – связь мгновенно разорвалась.

Шоу маст гоу он

Я вскочил с койки, выхватил из-под подушки подаренный мне моим ночным гостем диск и, прихрамывая, направился к двери. Проходя сквозь стену, сжал его в кулак и оказался в коридоре. Мои охранники корчились на полу в судорогах, прижимая ладони к глазам, – вот тебе и «помехи» в визорах. Другие боты с белёсыми глазами бежали по коридору мне навстречу и также падали штабелями прямо под ноги. Я шёл-бежал-хромал по движущейся ленте, оглядываясь и расталкивая стоявший на ней медперсонал. Разворачивал женщин к себе лицом, в надежде отыскать хоть какое-то знакомое лицо. И где эта Сирена, когда она так нужна? Экраны, которые до этого показывали какие-то спортивные мероприятия, кулинарные шоу, клипы – вдруг все как по команде стали транслировать крупно моё изображение, мигая и призывая к бдительности. Даже появился какой-то звук, размеренно усиливающийся и стихающий, вроде сигнала опасности.

Я сошёл с ленты и стал панически толкаться, пытаюсь проникнуть хоть в одну дверную щель в стене, но они не раскрывались. Врачи стояли вдоль стен, смотрели на меня испуганно и отстранённо и жались друг к другу, пропуская меня вперёд.

А вот и Горлов. Он протянул ко мне руки, пытаюсь задержать. Я ударил его под дых, схватил за шкирку и проорал,

пытаясь перекричать сигнал опасности: «Где Сирена?». Горлов отдышался, сглотнул и молча показал рукой в дальний конец коридора. Я бросил его, скорчившегося в позе эмбриона, и поехал туда. Из стен повываливали какие-то другие доктора и медсёстры. А я одиноко следовал мимо них. Настоящий аттракцион, только попкорна не хватает!

А вот и она – мелькнула в толпе! Волосы на этот раз – чёрно-белые, уложены так аккуратненько в каре, как у египетской царицы, чередуясь ровными двухцветными прядями... и ресницы тоже. Вот это зрелище! И её глаза – смотрят на меня со смешанными эмоциями, так что, прям, сердце разрывается. Видно, что ей не всё равно. То ли жаль меня, то ли какое-то уважение или восхищение пробивается сквозь чёрно-белые линзы. «Вытащи меня отсюда» – только и произнёс я. И она ни секунды не колеблясь, дала свою руку и стащила меня с ленты. Пару шагов в сторону одной из вертикальных полосок – и мы уже проходим в другой коридор. Под её ладонью стены расступались, и мы легко проникали всё дальше и дальше, не обращая внимания на медперсонал и на очередных ботов, которые уже никак не могли нам помешать.

Наконец – лифт. А точнее маленькая белая коробочка с такими же экранами на стенах, как и везде. Сирена плавным движением руки передвинула один из экранов поближе к себе и перевела его в режим пульта управления. Там были сенсорные кнопки и цифры, судя по которым мы находились на

минус четвёртом (!!!) этаже. Она нажала кнопку «-1». «Лучше с паковки». Я кивнул. Веди меня моя Ариадна из этого лабиринта на воздух! Я тебе доверяю – больше некому. Остальные экраны она в досаде погасила, просто хлопнув по ним ладоням.

Через пару минут тишины двери лифта открылись, и мы попали на подземную парковку. Интересно – какие у них тачки. И такие мысли посещают меня, несмотря на стрессовую ситуацию! Сердце колотится как шальное, Сирена – бедная девочка, и во что она ввязалась ради меня! Снова схватила за руку и потащила. Столько самоотверженности и смелости в её лице! Если б не знал ничего про её ге-не-ти-ку, влюбился бы. Хотя... какое это имеет значение для любви.

А вот и тачки, такие полупрозрачные, что салон весь просматривается как раздетый. Стоят ровненько, рядами и даже друг над другом на кранах-подъёмниках. Вместо логотипов – иероглифы – наверняка, китайские. Она нажимает на браслет и один из подъёмников мягко спускает ей двух дверную малышку. Внешне – вполне такой себе ожидаемый аэродинамический дизайн. «Назат!» – скомандовала моя спасительница, и дверца багажника, кстати говоря, непрозрачная, мягко отъехала куда-то в днище. Я забрался в багажник, она пошарила рукой на дне и сунула мне маску, какую я видел на ночном госте: «Ета штоп дишат! Воздах плахой». И дверца за мной закрылась.

Мотор завёлся, и мы помчались. Никогда не перемещался

в багажнике, тогда бы у меня была возможность сравнить. Дороги, судя по всему, у них были необычайно гладкими, не говоря уже о подвеске. Я натянул маску и задышал через фильтр, что представляло некоторые сложности – нужно было привыкнуть. Но, несмотря ни на что, понимал, что мы преодолели пару лежачих полицейских, притормозили перед КПП, а уже потом разогнались, как следует, когда оказались на улице... По крыше багажника застучал дождь.

Внезапно перегородка между багажником и салоном растворилась, и я увидел Сирену, развернувшуюся на сидении ко мне – она была в маске и не смотрела на дорогу (возможно, автопилот). За её спиной я увидел ночной город – мокрый и светящийся. Дворники не работали – кому они нужны? Вода какими-то плавными струйками обтекала всю машину... текла по крыше и по бокам. Сквозь прозрачный корпус виднелся город, огни витрин, окон и рекламы, громадные экраны, выступающие из них 3D-проекции, половину которых занимало моё лицо... и какие-то меняющиеся цифры. Кажется, они вели отсчёт с момента моего побега... я не понял до конца. Она приблизилась ко мне в своей маске и стала говорить быстро-быстро, так что я половину слов даже не разобрал: «...иа вазму твай гени... са мнои уже ничиво ни сделат... но миа дети будут намалними... миа гелфренд ушла...» кажется, она плакала, но я не мог в этом быть уверенным на сто процентов.

– У тибиа ктота бил... в прошлам? – кажется, этот вопрос

дался ей очень тяжело.

Невольно она заставила меня вернуться воспоминаниями в свою жизнь до анабиоза. Был ли У МЕНЯ кто-то там? Сложно сказать... я бы никогда не решился присвоить ни одну из своих женщин себе. Не смог бы про кого-то сказать «МОЯ девушка» или «У МЕНЯ есть девушка». Больше всего для этих отношений подходили фразы «встречаюсь» или «трахаюсь», а в некоторых случаях «влюблён» или «ухаживаю». Всегда появлялись какие-то более конкретные пацаны, называли девчонок «своими» и уводили их от меня. Пару раз я пытался удержать... но в большинстве случаев вообще не сопротивлялся и даже не горевал. Всё равно ведь они НЕ МОИ и никогда ими не были.

Как часто я слышал эти вопросы: «И почему ты до сих пор не женат!?!». Отвечал: «Не хочу». А потом вот нечто подобное практически во всех случаях: «ну ничего, подожди, встретишь её... ту самую...». В общем, я был уверен, что уже встретил. Но поскольку её я не удержал, то теперь не встречу больше никогда. Но это было тогда. До моей смерти и воскрешения. Тогда я был совсем другим. Может быть теперь, когда моя жизнь началась заново... может, именно теперь я готов?

– У меня не было никого до тебя, поверь...

– Иа вериу!

Какая девушка!

– Куда мы едем, Сирена?

– К мамам... мами миниа паимут... абесчали тенек...

– Можно к тебе перелезть?

– Тут маи ботик, места нет.

Тут же после её слов со второго сидения ко мне обернулась жуткая неживая пародия на девушку-подростка с белёсыми глазами без маски, натянуто улыбнулась и сказала «Прива». Это было уже слишком даже после всего, что я уже пережил.

– Какой-то кошмар! – только сейчас ощутил, что стресс от знакомства с ботом выбросил в кровь ещё больше адреналина, а на кожу вылил ещё одну порцию холодного пота.

– Ни баис, маи бот хороши, – моя Сирена – милая, заботливая, с этим уже ставшим мне родным произношением.

– Боты являются важной частью жизни каждого современного жителя мегаполиса. Они фильтруют и передают информацию от медиа, от правительства, являются посредниками в юридических и финансовых вопросах... – а вот это уже затараторил её бот, видимо, моментально подстроившись под мой язык, но, несмотря на это, ставший ещё более противным.

– Всё ясно с ним. Сирена, как сделать, чтобы эта... хрень... со мной не разговаривала, пока я к ней не обращусь, иначе...

...Диск валялся где-то на дне багажного отделения – надо было его просто нащупать.

– Лихко. Дива – с ним ни гварит!

Дива кивнула и снова села прямо на своём кресле, перестав пугать меня своей искусственной рожей.

– Типер лучши, милии?

Какая она очаровашка! Мне показалось или она действительно назвала меня «милым»?

Не успел я ответить, с машиной что-то произошло. Казалось, что её повело куда-то в сторону. На лобовом стекле засветилась и замигала красным какая-то информация, пиктограммы и иероглифы, человек в форме произнёс пару слов и пропал. Сирена вернулась на место, посмотрела за окно, потом на приборы и уже в конце – на Диву. Перегородка между нами стала закрываться, и до меня донёсся только обрывок фразы бота, сказанной с ноткой укоризны: «Ya tibe gvarila³³».

Машина сперва ехала по прямой, потом притормозила, свернула, свернула ещё раз, остановилась... какие-то механизмы стали двигать её перпендикулярно и вверх. Встревожившись, я стал искать в темноте свой диск, который я обронил в самом начале поездки, но внезапно ощутил, что света стало больше и теперь я вижу то, что находится снаружи. Там были какие-то люди или боты, и они обступали машину. Кажется, они тоже меня видели, хотя я был не сильно в этом уверен. Моя рука наконец-то нащупала спасительный предмет, но он выскользнул и провалился куда-то. Дверь багажника отворилась, и я решил, что стоит выбраться наружу, кто бы там ни был. Разве может мне что-то угрожать, в

---

³³ Я тебе говорила.

конце концов, я ведь редкий драгоценный информационный повод.

Ко мне подступили три бота, которыми руководил человек в униформе с погонами. Я оглянулся, посмотреть, что с Сиреной – её также окружили фигуры в чёрном, она также оглядывалась на меня, но из-за полумрака этого бункера я не видел её глаз. Девочка моя... теперь ей достанется... собрав все силы, я рванул к ней, но боты очень ловко обездвигили меня парой захватов. Потом один из них сорвал с меня маску и надавил на какую-то точку, так что меня парализовало.

Притащили меня, волоча ноги по полу, в какое-то тонущее в полумраке помещение без окон. Посадили в акушерское кресло с кучей проводов, подведённых к шлему, который насадили на мою голову. Руки были крепко пристёгнуты к подлокотникам, ноги – к ножкам кресла. Пошевелиться было практически невозможно. «Вот те на. Ничего не изменилось. Всё те же провода, всё так же светят лампой в лицо. По всей видимости, всё так же по старинке будут пытаться какими-нибудь футуристическими, но всё же банальными щипцами».

– Ошибаетесь, гражданин. Щипцы не понадобятся, – голос появился как-то сразу со всех сторон комнаты, образуя гулкое эхо.

– Да вы что, сговорились все?! Или у вас неделя советского кино недавно прошла?

Так. Стоп. Это я вслух сказал. А предыдущую фразу?

– А предыдущую подумали. И сейчас тоже. Вы думаете – мы слышим. Так что, можете связки не напрягать, гражданин, – голос был отрывист и резок, напоминал какого-то чекиста или прапорщика-солдафона. – А советское кино мы любим. Вам это не по нраву?

– Да всё нормально... хорошее кино, я не против. Давайте лучше по делу, как вас там, начальник. Почему меня задержали?

– Итак, по делу. Вы – один из замороженных и при этом нарушаете. Есть определённые процедуры, которые нужно соблюдать. Зарегистрироваться, пройти осмотр, карантин... Просто так по городу передвигаться – незаконно...

– Стойте. Стоп!!! Я не замораживался! Это было Самадхи...

– Что вы мне голову морочаете... Уже сорок шестой в этом году и каждый придумывает какие-то истории. Поназамораживались в своё время³⁴ – а потом бегают от регистрации! Ещё и сопротивляются. Закон, есть закон и...

– Да стойте вы! Дайте сообразить!

Они меня с кем-то путают, с какими-то замороженными.

– Извольте. Не путаем мы вас ни с кем. У нас всё чётко.

Ну, прям, вот ясно так представил сидящего где-то в от-

---

³⁴ Комментарий к эпизоду: практика крионирования (заморозки) людей, которая ведёт своё начало с 1967 года, а в России – с 2003 года. По данным на 1 апреля 2011 года клиентами криофирм в США являются 1832 человека.

делении за небольшим столом, освещённым одинокой ночной лампой, упёртого следователя из НКВД.

– Хватит читать мои мысли! Это нарушение моих прав!

– Это вполне законно. Могу даже зачитать соответствующий пункт гражданского права. Читать мысли незарегистрированного гражданина – не противоречит закону. А вот при регистрации каждый гражданин получает свои права и в состоянии их защищать. Пока что вы даже над своей жизнью не властны. Что уж говорить о мыслях.

– Бл...! Я и не знал.

– За мат с ваш штраф – 100 юаней. И ясное дело, что не знали. Все данные сканирования вашего мозга показывают, что нарушение закона произошло по неведению, то есть неза-ве-до-мо.

– Ну, слава боту!

– Боту? Это вы сами придумали? Смешно.

– Да... – мне было не до смеха. – Ну и что теперь? Вы меня отпустите?

– Пока нет. Прошу ознакомиться с основными правилами: во-первых, вы, как человек, проживающий на территории государства, обязаны зарегистрироваться в спутниковой системе обнаружения личности. Для этого вам в кровь вводят нано частицы, которые становятся вашим хранилищем персональной информации. Это хранилище будет собирать всю информацию о вашей жизни, фиксируя основные финансовые и юридические события...

– Да делайте, что хотите. Всё, что угодно, только отпустите меня... и Сирену тоже.

– Сирена?

– Я видел, как её уводили...

– Гражданка, которая вас укрывала?

– Да...

– Аааа... минуточку... Сирена Пэрис... Ну да... Что касается её, то она нарушила закон сознательно, а не по незнанию, то бишь за-ве-до-мо, и будет, разумеется, наказана.

Вот фашисты!

– Эй. Не ругаться здесь! Даже мысленно... Не забывайте! Мы – служба исполнения. И лишь обеспечиваем закон своими действиями. А сам закон принят и признан народными представителями того обществом, в котором вы находитесь. Вас что-то не устраивает в нашем обществе?

– Всё окей... Я искренне прошу прощения у вас и у вашего общества. Просто скажите, «Что ей грозит?»

– Суд может вынести постановление о запрете общения с вами. Но есть и другой вариант – понижается тестостерон в крови, повышается конформизм и в результате – гражданка становится идеальным членом... ха-ха, каламбур получился... ну, вы поняли... общества. С вами или без вас.

– Скорее всего, без меня.

И зачем я ей – без авантюризма и нонконформизма... на меня нашла какая-то страшная тоска и печаль.

– Не корректируйте её!!!

– Что-что?

– Не меняйте её! Прошу вас и общество! Я готов самоустраниться... если нужно что-то подписать, я готов... мы не будем видеться... пусть так... только не надо её корректировать.

– Ну что ж. Это меняет дело. А... нет. Стойте. Только что буквально мне сообщили, – я услышал, буквально, как он шелестит какими-то бумагами, – есть ещё одно обстоятельство.

– Какое?

– Согласно документам обследования должен сообщить вам, что... задержанная гражданка... в некотором роде... ммм... беременна.

– Не может быть!?

– Всё так. Сканирование показало – это самая ранняя стадия развития плода... ребёнок, кстати, ваш.

В сердце вдруг резко стало горячо, будто что-то загорелось, и я почувствовал нехватку воздуха.

– Ну, так что же, гражданин? Вы по-прежнему готовы отказать от общения с матерью своего будущего сына?

Я молчал. Я не мог, не то чтобы говорить, даже подумать о чём-то. У меня будет ребёнок... сын...

Какое значение имеет теперь всё остальное?! Но... они хотят знать, что я решу. Мне надо принять решение... Я могу отказать от неё, чтобы сохранить ту личность, которая и привела к этой ситуации. Чтобы она сохранила решимость

что-то изменить... Но, если я откажусь, она останется одна... ей придётся самой воспитывать моего ребёнка и, кто знает, это может также лишить её решимости... Голова разболелась... Я не мог думать, не мог сохранить хладнокровие в такой ситуации...

– Эммм... Может, вы хотите встретиться с ней, прежде чем примите окончательное решение?

– Конечно! Да! А... это возможно?

– Да. Конечно. Вам только надо зарегистрироваться, и вы сможете пообщаться.

– Давайте тогда скорее!

– Как скажите.

В комнату вошла женщина-бот в медицинском халате, – какой-то театр абсурда, достала ампулу и наполнила шприц чем-то вязким. Меня не покидала мысль, что я нахожусь в каком-то сне. Что я сплю, и мои видения становятся всё менее и менее правдоподобными. Бот воткнула мне в вену иглу и запустила в кровь вязкий жидкий нано-комп. Затем протёрла спиртом ранку и освободила мне руки, ноги и голову от захватов. Я тут же встал.

– Следуйте за мной.

У неё даже какие-то сексуально-металлические нотки в голосе присутствовали.

Я пошёл за ней, разглядывая стройные обнажённые ноги робота, в длинный тёмный коридор, который совсем не отличался той самой больничной чистотой и экологичностью,

которую я первоначально принял за свойство всех современных помещений. Нет. Будущее было не таким, каким показалось изначально. Оно было грязным и циничным... Здесь были обычные двери с замками и обычные полицейские-манипуляторы. И я должен был в нём научиться выживать! Да. К чёрту сентиментальности. Мне нужно приспособиться и выполнить свою миссию. Чтобы вести людей за собой, я должен стать одним из них. Должен стать таким же циничным и чёрствым.

Наконец, мы зашли в одну из камер, где в углу на обычной пружинной койке, ссутулившись и с мокрым от слёз лицом, сидела Она. Уже не в своём больничном халатике, а в какой-то серо-зелёной мешковатой накидке и... босиком. Разглядев в полумраке меня, Сирена вскочила и бросилась мне навстречу. Я прижал её к себе.

– Здравствуй, – сказала так специально ради меня, а не это своё «Прива», какая хорошая.

– Здравствуй, девочка моя, – я обнимал её, понимая, что делаю это в последний раз... обнимал, также осознавая, что внутри у неё теперь есть частичка меня.

– Чта с нами будит?

Это, прям, какая-то мелодрама, у меня даже глаза прослезились.

– Ты знаешь закон?

– Дива мне гварила... – Сирена стала всхлипывать.

– Сирена. Главное – это ребёнок. Всё остальное не име-

ет значения... мы должны принять решение, которое бы помогло ему появиться на свет...

– Да-да. Иа панимаю... ребионка ни будит, если иа изменус.

– Ты понимаешь?

– Да. Другаиа ат ниво откажется... Иа панимаиу... Ми болше не увидимса. Паэтому ти и пришол?

Она вытерла слёзы, отстранилась и посмотрела на меня совершенно серьёзно и с полной решимостью.

– Да... поэтому. Прости меня, Сирена... и... прощай? – комок в горле мешал произносить слова.

– Пра-счай, – она сделала шаг назад, и я перестал видеть её заплаканное лицо.

Я почувствовал, что где-то вдали начал нарастать какой-то шум... он был похож на шум прибоя. Но у него был некий ритм, который становился всё более и более отчётливым,... перед глазами всё помутнело, и весь мир показался нереальным,... восприятие смазалось, Сирена всё отдалялась и отдалялась, а тьма сгущалась... и наконец...

Я проснулся и ясно чётко осознал, что всё это время видел какой-то дикий, странный сон, который почти сразу начал пропадать из памяти, яркий свет причинял глазам боль, а шум превратился в громкие и энергичные аплодисменты, постепенно переходящие в овации.

Я открыл глаза и, шурясь на яркий свет, начал оглядываться... постепенно осознавая себя посреди небольшой сце-

ны. Полукругом стояли ряды зрителей, экраны за моей спиной показывали застывшие кадры моего прощания с Сиреной, а точнее – саму Сирену моими глазами. Зрители аплодировали, многие стояли... некоторые вытирали свои глаза, полные слёз... кто-то даже выкрикивал «Браво!»... неподалёку от моего кресла сидел улыбающийся человек, непонятного пола и тоже почтительно похлопывал, глядя по очереди на экраны и на меня.

Всё с ними ясно – шоумены хреновы.

Конец первой части

Часть вторая.

Солнечный апрель 2100 г.

Почему так получилось, что в своей прошлой жизни в один прекрасный момент я оказался практически один? Это произошло не сразу. Изначально всё шло своим чередом: беззаботная молодость, новые друзья, подруги, события, увлечения, компании – я крутился в этом круговороте, не замечая усталости, глубоко не погружаясь в него и всерьёз не воспринимая никого. Девушки рыдали в трубку, что-то выкрикивали, потом бросали её. Другие пытались манипулировать, использовали всё своё очарование, сближались, потом отдалялись, рассчитывая хоть на какое-то движение моей души. Но она молчала. Реагировало лишь тело. Оно привязывалось, привыкало, очаровывалось... Потом скуцало, отвыкало, разочаровывалось... А душа спала...

Всё это длилось до поры до времени, и я не считал потерь, пока однажды не потерял самое лучшее, что у меня было, даже лучшее, чем был я сам. А я себя ценил в большинстве случаев очень высоко. Появилась в моей жизни девушка, чей характер и чьи таланты были просто несравнимы с моей инфантильной, нарциссической особой. Она ворвалась в эту простенькую легкомысленную жизнь совершенно неожиданно и крайне уверенно, даже дерзко. Сперва я отреагировал,

как и обычно одним телом, а потом... потом стал всё больше и больше слушать её, наблюдать за ней, всматриваться и вслушиваться. Я стал испытывать потребность, нет, нужду быть рядом с ней, я впервые в жизни завидовал кому-то, просто из-за того, каким он был. А она была сильной, гордой и самодостаточной. Она была особенной, а я был никем. И я не смог этого выносить.

В итоге сам же её и отверг. Просто так. От ощущения собственной слабости.

Она ушла и больше не возвращалась. А я больше не мог сближаться ни с кем, кто мне встречался. Одиночество заставляло много думать. Я думал о жизни и смерти, и прежде всего о том, имеет ли человек право уйти из жизни, если осознаёт, что ничего особенного собой не представляет.

Не то, чтобы меня повсеместно окружали именно выдающиеся личности. Как журналист я брал интервью у самых разных людей. Но постоянно разочаровывался и в них. Все они фактически без исключения, просто обосновывали те обстоятельства, в которых оказались. Желая оправдать те изощрённые способы получения удовольствия, которые им позволены, и обвинить, опорочить те, которые не позволены, они создавали или поддерживали целые мировоззренческие системы. И первое время я верил им, ловил каждое слово, записывал всё и включал в свои статьи. То тут, то там, – в интервью, в путешествиях по стране, на митингах и в кабинетах, везде, – встречались мне люди, которые могли что-то

законить в мою душу. Какое-то время я носил в себе их идеи и мечтал, что наконец-то обрёл истину... ну, или, по меньшей мере, – цель, какой-то смысл существования. Но, к сожалению, это состояние проходило через какое-то время.

Это всё похоже на интоксикацию. Сперва – кайф, потом – тошнота. И я засовываю два пальца себе в горло и вывожу токсины из организма. Прочь – прочь – всё это чушь, бред и фигня, не стоящие ничего. Пусть с ней носятся другие. Каждый из них убеждён, что именно его миф – единственный достойный и имеющий ценность. Но если бы они только могли прислушаться ко всем остальным, они бы поняли – разницы никакой. А если истин и смыслов – миллионы, то настоящей истины и истинного смысла по большому счёту нет...

Настоящее будущее

Я открыл глаза и, шурясь на яркий свет, начал оглядываться... постепенно осознавая себя посреди небольшой сцены. Полукругом стояли ряды зрителей, экраны за моей спиной показывали застывшие кадры моего прощания с Сиреной, а точнее – саму Сирену моими глазами. Зрители аплодировали, многие стояли... некоторые вытирали свои глаза, полные слёз... кто-то даже выкрикивал «Браво!»... неподалеку от моего кресла сидел улыбающийся человек, непонятного пола и тоже почтительно похлопывал, глядя по очереди на экран и на меня.

Всё с ними ясно – шоумены хреновы.

– Вы не имеете права! – мой голос прозвучал неожиданно громко, отдаваясь эхом во всём зале, и тут же прекратил разговоры и овации.

На экран вывели моё лицо, которое оказалось не таким уж идеальным, каким я его видел во сне – это был далеко не Шон Коннери. Позади себя я заметил какой-то прибор в виде шкафа и торчащую из него тарелку вроде спутниковой, но направленную прямо на меня.

– Упс... Сорри... Приносим вам глубачаишие извинения, судар, – этот мужик с грудью, казалось, нарочно меня решил разозлить. – Ми очиеи харашо панимаем ваши чувства...

– Аааа, так вы понимаете?!

– Йес. Многие из здес сидиасчих прашли чрез ета.

– Чрез что, через ЕтА?

– Чрез предпаказ пилота дрим-риалити. Ета, канечно, шок па началу, но... на деле криминала нет.

– Вы без моего разрешения влезли мне в мозги и продемонстрировали их всему миру.

– Ви заблуждаетес. Никакой трансляции нибило. Пазволте мне представит сидиасчих в зале.

Я огляделся.

– Здес пачти всео рукаводство медиа-холдинга. С ними их жеони и дажи дети – всео сделана, чтобы ни дапустит утиечки. Итс джаст – фокус-групп. Ваши права ни нарушали... пака... паверте...

– Чо-то не очень веритсся.

– Пазвольти, я ссяс всё обисню, – сказал какой-то паренёк в зале с сильным китайских акцентом, но я не мог его отчётливо видеть из-за света, направленного на меня, и полумрака, в котором сидели все остальные.

– О! Вэлкам, спадин Чжао. Знакомтес, ето наш локальний гинералний прадиусер. Прашу лиубит и жаловат.

– Спасибо, Ликки. Кстати, хасю папласить всех – не испольсавать в своей леси слискам усталевсие оболоты. Они лаздлазуют насиво гостя. Пласу вас быть повезливие.

– Но правакация – ето вед моиа работа.

Он даже улыбается, хитрый гад.

– Вы ни велно панимаити сваю лаботу. Пलोвоцилуите

лучше неозиданными ваплосоми, плонисателными дагадка-ми, пытайтесь вызват гелоя на отклонение. Это, конесно, сложно, но, веть это, как вы велно заметили – ваша лабота. Она и долзна быть слозной. За нио вам теньги платят.

Какой молодец, этот Чжао... хоть и китаец.

– Ексуизми.

– Извинения плиняты. Натееюсь, нас гость тозе вас пластит.

Я снисходительно покивал головой, но сжатые от обиды губы не расслабил.

– А тепель я хател бы плолить свет на ситуасию, в католую вы попали.

– Я весь – внимание.

И Чжао начал меня неспешно просвещать. По его словам бизнес Альфа строился на новостях и шоу-программах. В 22-м веке зритель стал слишком избалованным избытием каналов и контента, делать который стало слишком просто из-за доступности технологий. Выпускники кино– и теле-колледжей создают свои мини-студии чуть ли не в гаражах или в сараях на даче. Они, по словам Чжао, «засоряют» сеть своими передачами, фильмами и всем остальным, что составляет реальную конкуренцию крупным компаниям, как бы это ни казалось абсурдным человеку из 20-го века. Но некоторые технологии им всё же недоступны. Либо из-за своей дороговизны, либо из-за запретов и ограничений на их широкое применение со стороны правительства.

– Мы с вами находимся на пеледавой савлеменных технологий – способности извлекать из мозга силавека облазы и мысли. Госудалство, лазумеется, эти техналогии делзит пли себе и не хосит их ласплостланения. Но, наши шоу нужны им, в том числе и как экспелимент. Ани дают нам в аленду самое пластое сваё абалудование и наблюдают за всем пласессом.

– Кстати, в зале плисутствует гинилал спесслужб Вла-сов, – он чуть развернулся и показал рукой, а тёмная фигура в дальнем конце зала слегка поклонилась. – Гинилал, мы всё исё в ламках закона?

– Paка да. Esли videte iz ramak, ya dam znat.³⁵

– Сипиэс, гинилал.

Поблагодарив генерала, Чжао продолжил. Из всей его болтовни, учитывая жуткий акцент, я уловил не всё. Но самое главное было то, что в настоящий момент состоялся именно предпоказ. На этом мероприятии узкий круг лиц просмотрел пилотную версию будущего дрим-реалити. То есть моего сна, в котором участвовали реальные действующие лица из событий ему предшествовавших. И собрались они все здесь, в этом бункере, именно потому, что это единственная возможность уберечь уникальный контент от пиратства.

– Нисматля на то, сто мы зивём в век бисплавадных тихналогий... – он зачем-то сделал паузу... и зал, быстро сообразив намёк, рассмеялся.

---

³⁵ Пока да. Если выйдете, я дам знать.

– Слушайте, я не тупой. Я сразу понял, что у вас тут всё по воздуху передаётся. Сам не знаю, почему у меня во сне эти провода появились.

– Пасему паявились плавода – это, навелное, к психафизиологам насим надо ваплос адлесовать. Док, вы тут?

– Да, бос, я здесь... ЭМММ... на мой взгляд, – его высокий голос напомнил мне чем-то занудного профессора на кафедре филологии, – провода как раз и обязаны своим появлением старым фантастическим фильмам. Я очень хорошо помню эти грязные антиутопии 80-хх и 90-хх годов двадцатого века – там слишком много проводов. Повсюду какие-то страшные, угловатые металлические приборы и инструменты³⁶, люди долбят по ним, сваривают, паяют... кошмар! И, что не менее удивительно – почему-то любые медицинские операции приносят пациентам дикую боль.

Что-то припоминаю такое.

– Там люди путешествуют на звездолётах к другим мирам, а жить комфортно на Земле не удосужились. Я уж молчу о том, что средства связи закреплены статично на каких-то приборных панелях, громоздки и немобильны.

– Всё верно, док. Вы только одно не учли – Алиса Селезнёва жила в счастливую эпоху. И переговоры там велись по рации, и грязи в том будущем нет, – я немного загордился

---

³⁶ Комментарий к эпизоду: концепция «грязного, урбанистического, будущего» впервые была реализована Дж. Лукасом в «Звёздных войнах» и впоследствии Дж. Камероном в «Чужих» и прочих фантастических произведениях.

по поводу своего советского детства, в котором появлялись такие шедевры пронизательной фантастической мультипликации.

– Может быть... – в зале послышалось шушуканье, даже Чжао обратился к помощнику, – «Алиса Селеснёва?»... это скорее исключение. А что касается правила, то есть в этих фильмах ещё кое-что... эммм... весьма неадекватное, мягко говоря... Там постоянно демонстрируется эдакое внешнее великолепие, красота и экологичность жизни, то есть пыль в глаза пускают. Но по мере развития сюжета выясняется, – он манерно исказил голос, чтобы спародировать рассказчика страшных сказок, – что за эти блага человечество чем-то расплачивается. Всегда есть какая-то обратная сторона медали, более неприглядная. Причём проглядывалась традиция представлять это как деградацию по сравнению с современностью, оборотную сторону прогресса. Я бы даже осмелился предположить, что это ещё началось с Герберта Уэллса и его «Машины времени», если помните. – В зале одобрительно зашумели. – А в кино идею подхватили многие сценаристы, уже даже слишком многие... На мой сугубо субъективный взгляд, это помогало зрителю ослабить непреодолимую зависть к жителям будущего. В результате он думал, скорее всего, так: «Это, лишь, кажется, что жить лучше там. На самом деле лучшее время для жизни – моё».

– Близе к теме, каллека!

– Да-да... Я и говорю, что возможно, и даже вполне ве-

роятно, что бессознательное нашего гостя ещё не перестроилось, и потому выдала этот весьма... Эмм... неуклюжий ретро-контент.

– Ну, ат этово летло-налёта насе соу только выиглаит. Сасласитесь.

Зал моментально отреагировал дружным смехом, кажется, они все немного опухли от речи учёного.

– Халасо. Я пладолзу. Нисматля на век бесплавадных тихналогий, мы соблались тут все в атном месте в то сисле и стобы заситить себя. Данный кантент ахланяется законом. Пака вы не лазлесите его выдавать в эфил, мы не смозим этово стелать. Любая утеська пазволит вам падать на нас в суд и выиглать плацесс без плаблем.

– А если я не разрешу?

– Весь мателиал будет тутзе унистозен пад наблюдением гинилала. Всё велна, гинилал?

– Так Точна!

– Пледпаказ плаводится и тля таво, стобы лукавотство кампании плиняло лисение, стоит ли кантент сеять в сети...

– И как? Уже приняли решение?

– Да. Лизультаты магнитна-лизанансой тамаглафии зала паказали, что кантент атлисьный. Так чта лисение плинято полозительное, с сем я вас и паздлавляю.

– Спасибо. А что все-таки эта томография показала?

– Док... пласу вас...

– Эммм... МРТ на самом деле показала высокую степень

эмпатии, высокий уровень непроизвольного внимания... – и ещё куча профессиональных терминов в какой-то дикой скороговорке.

– Поплосе, позалуйста, если мозна.

– Ах... да-да... я говорю, что мы теперь знаем, что контент демонстрирует высокий уровень сопереживания герою, а также можем гарантировать с высокой долей вероятности, что историю досмотрят до конца.

– А для нас это самое главное.

– Я даже восхищён в некотором роде нашим автором – он почти как профессиональный сценарист создал в финале моральную дилемму. Вначале доведя зрителей до пика переживаний, а в конце выдав такой... не постесняюсь этого эпитета – потрясающий финал, я как зритель испытал настоящий катарсис... эмм... в лучших традициях мелодраматизма.

– Это в свою оселеть даёт поват надеятся на высокие лейтинги пладалзения. Злители далзны палюбить ваш кантент.

– Следовательно, он чего-то стоит?

– Лазумиется. Эта исё адна функция пледпаказа – с автолом длимконтента абсудзаются условия дальнейшего сатлуднисества: пиледача плав, ганалал и т. п.

– Мне продюсер Минх что-то говорил о договоре...

В зале несколько человек приснули.

– Минх – эта актёл. Пласу пласения, сто ввели вас в заблустение. Но все, с кем вы контактиловали до сна – плофи. Ани

актёлы нашей кампании и все иглают в мыле пла бальницу.

– И Сирена? – возможно, я слишком явно выдал в этом вопросе свои эмоции.

– Да... мне осень заль... Силена – звеста этава селиала...

Психолог снова встрял: «Да... и знаете ли, её способность вызывать у авторов контента Архетип Анимы³⁷ просто бесподобна – практически во всех снах она попадает в какой-то плен или ловушку... её героически спасают...»

– Да-да, спасибо... Думаю, вы исё увидите и смозите пабалтать. Ана будет только лада.

Такое ощущение, что меня надули и выставили круглым идиотом.

– Вилнёмся к насим дилам. Стобы лазлесить к выхаду в эфил атснятова мателиала, вы далзны вслух пласетать условия дагавола и падтвелдить своё сагласие палой пледлазений. Как только вы эта сделайте, автаматисски саздаётся ссёт на васе имя в банке, и туда пелисисляется...

Помощник показал ему что-то на светящимся в темноте экранчике, который держал в руках.

– 430 тысяч лублей единовлеменно. Кстати, мне как зрителю патнебесной было висьма лестно, сто в васем сне места лублей лассёты видутся в китайской валюте.

Зал снова оживился.

---

³⁷ Термин из теории архетипов К.Г. Юнга. Анима – это универсальный архетип женщины, управляющий влечением каждого мужчины. В мифах и массовой культуре Анима – чаще всего пленница, взывающая к герою о спасении.

– Не стоит благодарности. Думаю, что в следующем сне я увижу китайца в качестве президента России.

Зал засмеялся и даже в некоторых местах заплодировал – вот и я показал, на что способен.

– Благадалю, и надеюсь, сто эта састаится весьма скола, но скалее всиво, на валюту не повлияет... Сейсяс Лассийской фелелацией уплавляет асетин, а на её телитории всё исё в ходу стальной доблый лубль...

Ещё один повод похихикать подхалимам.

– Далее по плейскуланту мы будем пиличислять вам суммы после каздого аседедного адаблениа кантента. У нас иссе запланилованы... – помощник снова ему что-то показал, – ... ток-соу с Ликки, выступлениа в лазличных навастных пилидасях, интелвью и таму подобное. Лаботы много – а суммы, сто мы платим вам – уловня поп-звезды. Так сто, думаю, вы не будите на нас абизены. И в длугую мидиа-кампанию не уйдёти.

Интонация последнего предложения была откровенно издевательской – снова хохот... интересно, у них всегда так весело?

– Если сто-та ни устлаивает, мозите плоста выйти вон селез ту двель. Пли выхаде, кстати, узе саблалась талпа липолтёлов из длугих каналов.

– И чо? Всё так просто? И никакого подвоха?

– Да. Никакова.

– А...

Может не стоит так упорно подставляться?

– Сто?

– А Сирену я когда увижу?

– Я думаю... на ток-шоу, пасвящённом васиму длимкантенту. Ликки, так? – Тот кивнул. – А сто, вам эта так вазно? Ана вить действительно лисби. Гинитическая. Гипелбионы Дентлоида³⁸, с ними ни пасполись... Павельте – тут многие питались... – кто-то кашлянул, кто-то прыснул.

– Нет. Не важно. Давайте, показывайте свой договор – я готов.

В зале включили свет, и я смог разглядеть женщин и мужчин, встававших со своих мест и направлявшихся к выходу. Все, кроме генерала и психофизиолога, отличались молодостью и неформальностью одежды. Чжао так вообще выглядел как пацан. Зато жена у него была зрелая. Или это была не жена? Когда зал предпросмотра опустел, ко мне подошли несколько человек из юридического отдела. Один из них достал из портфеля плоский прозрачный экран и предложил мне его в руки. Я взял экран и тут же увидел небольшой текст договора, в котором сообщалось, что я разрешаю телекомпании «Альфа» использовать все видеоизображения, полученные с 12-го по 15 апреля 2100-го года, – включающие проекцию моего сна, в своих эфирах, а также в любых иных форматах, в том числе рекламного характера. Что я не бу-

---

³⁸ Гипербиионы Дендроида (ускорители роста, мутагены) делают возможным зачатие ребенка женщиной без участия мужчины.

ду предъявлять какие-либо требования о компенсации использования данных изображений сверх суммы, выплаченной мне на счёт такой-то в банке таком-то равной четырёмстам тысячам рублей.

Далее шли те самые две фразы:

Я подтверждаю, что данный договор был прочитан мною в присутствии юриста компании «Альфа», Антоненко Владимира Сергеевича, – тот самый, кто дал мне экран, кивнул, а также в присутствии нотариуса, Чонг Ли, – второй человек поднял руку со светящимся документом, и юрист-бота № 00567839, – бот расстегнул рубашку и показал мне номер на своей механической груди, покрытой кожзамом.

Я понимаю все условия договора и согласен с ними без каких-либо оговорок и ограничений.

Как только я это произнёс, экран у меня забрали, расфокусировались и тут же стали что-то куда-то сообщать, постепенно расходясь в разные стороны – все, кроме бота. Он выглядел вполне безобидно – не как жалкая пародия на человека, а как робот с непроницаемым лицом, практически вообще без мимики.

– Прошу извинить, что отрываю вас от ваших мыслей. Я бот компании, выданный вам в аренду на первое время, пока вы не приобретёте своего личного бота. Я могу помочь вам сориентироваться в окружающем мире: зарегистрировать вас как налогоплательщика, найти жильё, купить одежду, поесть, посмотреть город, а также – быть вашей связью

с банком и с «Альфой» на предмет всех запланированных мероприятий.

– Очень гуд. Особенно про одежду – на мне всё ещё эта больничная пижама. Деньги уже перечислены на счёт?

– Да.

– Ну, так поехали!

– Куда?

– В ближайшую гостиницу. По дороге зайдём в торговый центр, поедим и прикупим что-нибудь.

– Такси уже на парковке. Пойдёмте.

Ну что ж, вот я и увижу этот мир будущего, не во сне, а наяву.

Приподнялся с кресла и снова ощутил слабость в ногах, лёгкое головокружение... лицо стало покалывать в некоторых местах, видимо, болели швы после операции. Бот предложил руку и я, опираясь на неё, проследовал к выходу. Двери меня всё ещё гипнотизировали своим странным устройством. Перед ботом они разошлись в стороны без прикладывания рук. Возможно, сигналы какие-то подаёт.

За пределами зала предпросмотра – знакомые коридоры с экранами на стенах и траволатором, – так тут называлась движущаяся дорожка. Видимо, это здание всё целиком принадлежит телекомпании. Мимо пробегают люди, не обращающие на меня никакого внимания. Я ещё не звезда. Ну что ж. Подождём немного...

– А когда эфир?

– Хотите спать?

Моё лицо лишь на мгновение отразило замешательство, а он уже среагировал.

– Ааа! Вы имеете в виду трансляцию вашего контента?

– Да.

– Сложно назвать какое-то конкретное время. Каждый зритель на планете сможет посмотреть свой вариант контента в любое удобное для него время. Можно лишь сказать с уверенностью, что первый Посев материала состоится ровно через пять часов, пятнадцать минут.

– Что значит, «посев»?³⁹

– Размещение различных версий видео-контента в местах, откуда их могут скачивать персональные боты, а также рассылка контента по подписке. Так сейчас работает медийный бизнес. Эфира в нашем деле нет уже лет 80.

– Этот «посев» за деньги или бесплатный?

– Что-то пойдёт бесплатно, какие-то яркие кадры, а уже более расширенная версия – за плату, разумеется. Но это всё касается только первого Посева. Он сейчас активно рекламируется. Создаётся ажиотаж, формируется потребность увидеть это первым. Что же касается второго Посева, то там уже речь идёт о бесплатном размещении с рекламными вставками и другими видами монетизации. А вот и парковка – проходите.

---

³⁹ Термин из лексикона «вирусного маркетинга», получивший распространение в начале 21-го века.

В этот раз двери раскрылись сами по себе, возможно, сработали фотоэлементы.

На парковке всё было несколько иначе, чем я себе это представлял. Никаких машин – только длинные ряды больших ворот, как в гаражном кооперативе. Мимо нас в здание заходил человек в деловом костюме с сопровождавшим его ботом, а их серебристая с плоской крышей машина без водителя сама по себе плавно «парила» в сторону одного из таких ворот. Парила потому, что находилась на расстоянии полуметра от пола. Ворота разъехались, а машина заплыла внутрь и, кажется, даже куда-то спустилась вглубь, как будто в шахту лифта.

В это время к нам подлетело такси. Это было такое же бесколёсное транспортное средство, приплюснутый параллелепипед со сглаженными углами. Я был несколько разочарован, так как формы этих машин совершенно не укладывались в моё представление о красоте и аэродинамике. «За рулём», а точнее без руля на переднем сидении сидел бот-водитель. Обе двери в салон растворились, и можно было разглядеть, как его руки спокойно лежат на подлокотниках, а прямо перед ним никакой приборной доски – только торпеда, повторяющая изгиб его грудной клетки. «Беспроводные технологии», видимо.

Юрист-бот показал мне на заднее сидение, которое было очень глубоко расположено, позволяя вытянуть ноги пассажиру, а сам он сел на переднее и также оказался зажатым в

тесном пространстве между сиденьем и торпедой.

Внутри я почувствовал себя королём – просторно, мягко, комфортно. На спинке переднего сидения демонстрировалась реклама данной службы. Они гордились тем, что все их водители – именно боты, а не роботы. Глядя вперёд на своих попутчиков, я подумал: «Вот оно, какое оказывается, это беспроводное будущее – на одного человека по два бота. Скоро они захватят власть – и им не нужно ничего для этого делать, просто записать наши голоса, пароли и снимать с их помощью все наши бабки со счетов».

Когда мы тронулись с места, я спросил:

– Эй, как мне к тебе обращаться? Я не могу помнить все твои цифры.

– Зовите «два ноля». Так, по крайней мере, не спутаете с ботами-обслугой и с персональными ботами.

– Скажи, Дваноля, когда вы собираетесь захватить власть над людьми? Мне очень надо – я бы к тому времени себя заморозил ещё лет на 100.

– Надеетесь, что через 100 лет люди снова победят? – он как будто понял в чём юмор и стал мне подыгрывать – вот это, я понимаю, технология.

– Ты прав. Глупая идея – лучше сразу сдать.

Оба бота несколько натянуто воспроизвели звуки, слегка напоминающие смех.

Пока мы с ботами вели непринуждённую светскую беседу, такси выехало... ЭММММ... вылетело из парковки на улицу,

и первое, что я увидел – было ясное голубое небо над невысокими, – пять-десять этажей, вычурными домами. Никакой наружной рекламы не было, но стены домов пестрили динамичными импрессионистскими проекциями. Я и тут лоханулся со своим сном. Судя по датам на договоре, сейчас была середина апреля, но погода стояла такая, как в наше время в конце мая. Мы не ехали, а плыли по улице. Боты врубили концерт классической музыки, и я окончательно ощутил себя в раю. Звук был чистейшим, и акустика салона позволяла ощущать себя на живом концерте.

Движение было одностороннее, но плотное. Сколько было полос, я считать не стал – много. Машины, большинство из которых было стандартной формы, редко снижали скорость и маневрировали с изяществом фигуристов. Было такое ощущение, что над нами была проложена невидимая трасса, по которой так же ровно едет ещё один поток, менее плотный, но более скоростной. Несмотря на стандартность форм, поверхности машин, также как и стены домов, постоянно меняли свою окраску, являлись носителем различных 3D-иллюзий, анимационных сюжетов, в том числе и целых видеофильмов. Главное общее место – верх у машин был абсолютно плоским.

Как раз в этот момент я заметил, что некоторые перестраивались не только по горизонтали, но и по вертикали. Парочка гонщиков взвилась над нами и погнала, прибавив скорости.

– А как они это...?

– Крыши машин в основном потоке представляют собой ещё один источник магнитного поля.

– А мы так можем?

– За перестроение на второй уровень со счёта снимается плата в два раза большая, чем за обычную поездку, – предупредил меня бот. – Если никуда не торопитесь, лучше не перестраиваться – так экономнее.

Какой заботливый, подумал я, глядя наверх, и пытаюсь обнаружить какие-нибудь летательные аппараты, следы от пролетевших самолётов. Но небо было совершенно и девственно чистым. Салон был отделан белой кожей или кож замом, а ноги можно было вытянуть полностью; на спинках передних сидений мерцали экраны с анонсами моего дрим-шоу, там же мелькали образы Сирены из других шоу, где она так же красиво плакала, произносила какие-то страстные монологи...

В баре, который я приоткрыл, стояли бокалы и бутылки с жидкостями непонятных мне напитков. Я взял, что попало под руку, – надпись на латинице гласила «teronet», 40 %, и налил в одну из стопок. Бот обернулся.

– Чо такое? Я чо-то не так сделал?

– Можно, конечно... но... стекло нужно дезинфицировать перед тем, как наливать. И руки тоже.

– Обойдусь...

Я выпил одним залпом, ожидая резких ощущений, как от

водки или виски, но всё прошло гораздо мягче.

Настроение поднялось, и мне захотелось оглядеться. Люди за окном, прогуливающиеся по непривычно широкому тротуару, были непривычно яркие и неестественно высокие. Практически все они были полураздеты и при этом улыбались. Многие увлечённо болтали с ботами или сами с собой, а может – с абонентами. Даже боты были разнообразных форм и раскрасок. Многие, как и Дваноля, были одеты в обычную человеческую одежду, изредка оформленную постоянно меняющимися картинками, как и стены домов. Я вдыхал полной грудью свежий воздух нового мира и впитывал в себя это изобилие света и цвета.

И почему мне пришло в голову, что я должен обязательно как-то поменять этот мир? Что он в опасности, что человечество приходит в упадок? Что я могу предложить этим улыбающимся красивым людям взамен их счастья? У них есть всё, что они хотят... кажется. Может, не стоит лезть к ним со своими угрозами и опасениями? С этим посланием каких-то древних Эукариотов. Может, все их страхи бессмысленны – может, это старческий маразм дряхлых богов?

– Дваноля, а вот эти люди... ну, там, на улице – они реально такие красивые? Или это всё успехи хирургии?

Бот повернул голову, какое-то время смотрел на тротуар, сканируя пространство...

– Можно заметить следы операций где-то у восьмидесяти процентов людей, – вот это зрение у чувака!

– При этом 60 % из них делали операции достаточно серьёзные и не один раз. Внедрение искусственной мышечной и жировой ткани, коррекция скелета и строения черепа...

– Всё, хватит! Чёрт – те что, творится!

Я снова выпил.

Всё остальное я помню как в тумане. Мы въехали на парковку торгового центра, вышли из такси и попали внутрь. Там в полупустых пространствах магазинов, оживлённые стены которых утомили мои глаза ещё больше, дежурили боты-продавцы, вежливо спрашивали «нужно ли вам что-то подсказать?» и бесшумно пропадали, стоило мне только слегка нахмуриться. Я выбирал и примерял на себе одежду согласно моде, подсмотренной за окном, но всё никак не мог её соотнести со своим образом. Моё тело всё же было несколько дряблым, расплывчатым, чтобы так вот смело оголяться. Да и походка не соответствовала. Нужна была классика, а точнее – ретро стиль. Он, наверняка, где-то должен продаваться, если у них наше кино так популярно. Страстно хотелось натянуть обычные джинсы и футболку.

Бот показал мне виртуальную примерочную, где я мог примерить то, чего не было в наличии. Я зашёл внутрь небольшой комнаты и увидел перед собой плавающее в воздухе меню в виде образов и подписей. Каким-то образом они законтачились прямо с моим мозгом и стали реагировать на простое «да» и «нет», а также «дальше, дальше». С горем пополам я нашёл винтажные коллекции, которые

мне более-менее подходили: костюмы, рубашки, футболки, джинсы. Выбирая, примеряя и подгоняя под себя то, что понравилось, я пробыл там около часа. В итоге мне сообщили, что придётся ещё подождать, пока изготовят понравившиеся мне модели по моим размерам. Бот предложил пойти в гостиницу, куда мне всё доставят прямо в номер, и я согласился. В будущем, всё же, крайне удобно жить.

– Чо так пусто тут?

– В основном люди покупают одежду, оставаясь дома, используя такие же виртуальные способы примерки. На самом деле покупают они дизайн, саму идею и программу, по которой эта идея реализуется. А дальше одежда создаётся с помощью нано-фабрики либо из нового картриджа, либо в ходе переработки.

– И зачем тогда такие центры существуют?

– Прежде всего, для пенсионеров. Многие из них ностальгируют по прежним временам. А ещё – для туристов. Хотя и их немного в наше время.

Гостиница представляла собой высотное здание, стилизованное под старину. По стилю оно напоминало мне сталинскую высотку, но с вычурными белыми башенками и кремовыми статуями горгулий. Эkleктика! Её плотным кольцом обступали небоскрёбы более строгой формы.

Мы попали в лифт прямо с подземного паркинга и стали подниматься на 21-й этаж, минуя ресепшн. Лифт тоже был сделан в старинном стиле – обивка из дерева, позолоченные

поручни и резные рамочки у зеркал. Вышли на своём этаже и прошли по коридору до номера. Вся эта геометрически правильная планировка была ровно такой же, как и сто лет назад, только двери открывались непостижимым для меня образом. Было ощущение, что это и не двери вовсе, а просто – чувствительные элементы стены. Люди прикладывали руку, они оживали и разделялись на две половинки. Бот делал всё то же бесконтактно. Мы проходили внутрь, и они срастались. Освещение включилось само, или бот его активировал. Несмотря на усталость, я пошёл осматривать помещение.

Высокие потолки, просторные, лаконично меблированные помещения. Окна оказались таким же подвижным элементом внешней стены. Я лишь приблизился к ним, и они растворились во всю стену... открывая прекрасный вид на вечерний город. Глядя на сверкающие огни небоскрёбов и транспорта, я почувствовал прилив тоски, знакомый с детства, когда, кажется, что жизнь несётся мимо тебя, а ты отстал от неё и никогда не догонишь.

Из оцепенения меня вывел бот, позвав в ванную, чтобы научить пользоваться душем. Это была кабина с прозрачными стенками, в которой я должен был стоять и ждать, пока несколько разных режимов очистки не будут применены. Слишком много всякой нано-дряни летает по городу и в публичных помещениях. Чтобы избавить человека от них, да и вообще от грязи, применялись различные волны и аэрозоли тоже из нано-материалов, но, в свою очередь, само выводя-

щихся. Обычный знакомый мне душ с водой тоже использовался, но я его обнаружил случайно, выбрав режим массажа. Использованное нижнее бельё, судя по всему одноразовое, нужно было бросать в специальный проём в стене ванной. Что с ним потом делали, я уже спрашивать не стал.

После душа Дваноля заказал еды, «какую он сам считает полезной для меня». Принесли пару вычурных, но невероятно свежих салатов из полусотни мелко-мелко нарезанных листьев салата, овощей, фруктов и какой-то густой желеобразной хреновины, плюс чашку пресного пойла, которое они называли чаем. Дваноля сказал, что еда и напитки – всё входит в стоимость номера, и что вообще сейчас в развитых странах нет ничего дешевле еды. Почти в каждом доме, гостинице и в других местах проживания людей размещалась своя гено-ферма, на которой выращивались самые разнообразные продукты. Была бы генетическая модель, а продукт изготовить – не проблема. Про дезинфекцию он снова предупредил и даже показал на небольшую трубочку распылителя, лежавшую на подносе. В нём был состав нано-чистильщиков, который уничтожал микробов и всяких сапрофитов, не оставляя от них ни следа. Я послал его куда подальше и принялся есть на своём привычном уровне безопасности.

– Очень неосторожно, с вашей стороны, мутации вирусов на настоящий момент гораздо более разнообразны, чем те, к которым привык ваш организм.

– Ничего страшного! Если я не справлюсь с этими мута-

циями, справится кто-то другой. И ему жить на этой планете, а не мне.

Бот промолчал, видимо, осваивая эту новую для себя философию жизни. «Кстати, – добавил он, наблюдая за моей мимикой во время еды, – если вам захочется поесть что-то из вашего прошлого, придётся заказывать в Институте генетики саму модель. Но это уже будет стоить серьёзных денег».

– А что в вашем мире серьёзные деньги?

– От десяти до пятидесяти тысяч рублей.

– Угу. Буду иметь в виду.

Я зашёл в спальню и попросил подключиться к сети. Два-ноля высокомерно парировал, что он из неё и не выключался, а потом, не совершая лишних движений, оживил стену напротив дивана. Далее он объяснил, как голосовыми командами либо жестами открывать и закрывать страницы, увеличивать и уменьшать контент. Но, самое прикольное – картинку можно было приближать к себе, отделяя от стены, и даже делать выпуклой, трёхмерной.

Качество всего, что я разглядывал, было офигительное. Никаких пикселей я так и не встретил, как бы ни увеличивал изображение. Сперва я открыл карту города и место, где мы находимся сейчас. Для удобства я поместил её на полу и стоял там, среди возвышающихся миниатюрных небоскрёбов, пролегающих между ними скоростных линий поездов и остатков древностей. Можно было и без подписей разглядеть Кремль, Охотный ряд, Тверскую и Лубянку. Бот объяснил,

что там, в районе Садового, сейчас что-то вроде музея-заповедника. А деловой и финансовый центр города находятся немного западнее и растянулись они где-то от Фили до Рублевского шоссе. Он пролистнул карту на десяток километров на юг. Небоскрёбы, небоскрёбы и снова они же.

– Что-то ещё хотите посмотреть?

– Да нет, пожалуй.

Почему-то хотелось оттянуть момент возвращения на неопределённый срок.

Ну, а потом меня заинтересовала Сирена, а особенно её личная жизнь. Посмотрел на её подружку-лесбиянку, далее – несколько отрывков из мыльной оперы, где они с Минхом и другими играли в больницу. После этого ощутил себя ещё большим идиотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.